

• Август 1936 г. •

ИРИНА ЛОБУСОВА

1936 год... По ночам
в квартирах советских
грандам все чаще раздаются
звонки в дверь, и все знает,
что это не предвещает ничего
хорошего. Знает это
и Зинаида Крестовская —
одинокая женщина, рабо-
тающая врачом-офтальмом.
На такой ночной звонке,
наступающей ее до полуночи,
означал вовсе не то, в чем она
успела подумать. На пороге
стоял бывший жених,
врач-офтальму, который
буквально умолил ее
осмотреть очень странного
пациента...

БОЛУНЫ-
НИКОИИ ДЛЯ ВРАГИ

ТЕНЬ «РАЙСКОГО САДА»

FOLIO

Ретродетектив

Ирина Лобусова

Тень «Райского сада»

«Фолио»

2018

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Тень «Райского сада» / И. И. Лобусова — «Фолио»,
2018 — (Ретродетектив)

ISBN 978-966-03-8280-0

1936 год... По ночам в квартирах советских граждан все чаще раздаются звонки в дверь, и все знают, что это не предвещает ничего хорошего. Знает это и Зинаида Крестовская – одинокая женщина, работающая врачом-педиатром. Но такой ночной звонок, напугавший ее до полусмерти, означал вовсе не то, о чем она успела подумать. На пороге стоял бывший жених, врач-психиатр, который буквально умолял осмотреть очень странного пациента. Если бы Зинаида знала, чем обернется ее согласие... Таинственный пациент, не имеющий имени, зарегистрированный под номером, тщательно охраняемый секретным отделом НКВД, оказывается... мальчишкой десяти – двенадцати лет... После этого вся более или менее налаженная жизнь Зинаиды Крестовской рушится. Она становится свидетельницей страшных и нелепых смертей людей, которые хоть как-то были связаны со странным пациентом, в ее комнату подбрасывают труп, а ей самой угрожают...

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-8280-0

© Лобусова И. И., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Лобусова

Тень «Райского сада»

Серия «Ретродетектив» основана в 2018 году

© И. И. Лобусова, 2018

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Глава 1

Одесса, конец марта 1936 года

Черный автомобиль с потушенными фарами завернул с Садовой на Соборную площадь, двигаясь очень тихо и медленно, словно на ощупь. Ночь была абсолютно безлунной. Только кое-где, под тусклым ночным фонарем, полурастаявшие полосы снега бросали белесоватый отблеск на мостовую, словно сожалея о том, что наступает весна, и этот призрачный снег, еще недавно сковывавший застывшую ночь льдом и морозом, постепенно исчезает.

Абсолютная тишина казалась объемным телом. Такая тишина бывает только в очень морозные, снежные ночи, когда весь мир словно спит. Однако снег уже почти весь растаял, и температура выше нуля отчетливо чувствовалась в воздухе. Тишина же была просто звенящей. И редкие выхлопы автомобиля громким взрывом звучали даже несмотря на то, что мотор работал на самой низкой скорости.

Повернув, машина покатила по старинной брусчатке, неуклюже перекатываясь по булыжникам. Слева возвышался собор. Его мрачная громада словно нависла над городом, закрывая всю площадь. И, несмотря на безлунную ночь, тень от собора накрыла землю, как покрывало из черного бархата, погребая под собой здания, мостовую, автомобиль и находящихся в нем людей.

– Этот дом? – Водитель, белобрысый молодой парень, полуобернулся к двум мужчинам постарше, сидящим на заднем сиденье. Те хранили угрюмое молчание, глядя прямо перед собой.

Один из них был в надвинутой почти на глаза фуражке. Плотный козырек почти полностью скрывал лицо. По всей видимости, сделано это было специально. Несмотря на то что фуражка явно доставляла ему определенные неудобства, он не собирался ее сдвигать.

– Сказано тебе было... Папудова, – отозвался второй, без фуражки, с обветренным, уставшим, заросшим недельной щетиной лицом. На нем была военная форма, но без погон, в то

время как его спутник был в офицерском пальто из темной шерсти, застегнутом на все пуговицы, опять-таки, без опознавательных знаков.

– Так вы сказали, как с улицы завернем, дом напротив собора! – весело отозвался парень, сохранявший отличное расположение духа, несмотря на поздний ночной час и мрачные, напряженные лица своих пассажиров.

– С другой стороны, деревня, – презрительно бросил мужчина в форме, – самый знаменитый дом Одессы знать надо.

– А по мне – так один хрен! – хохотнул парень, но тут же осекся, почувствовав напряжение, повисшее в воздухе.

– Давно в городе? – Глухой голос мужчины в фуражке прозвучал неожиданно и вроде бы спокойно, просто внушительно, но было в нем нечто такое, от чего парень за рулем буквально задохнулся, чувствуя поползшие вдоль спины мурашки.

– Второй месяц... – дрожащим голосом отозвался он, разом растеряв и жизнерадостность, и бодрый, веселый тон.

И вдруг стало понятно, что сейчас три часа ночи, город застыл, словно оцепенев по приказу невидимого, но очень страшного командира, а автомобиль с потушенными фарами, проезжающий в тени огромного каменного собора, – знак беды, имя которой «страх».

– Извините... карту просто изучил плохо... – почти шепотом добавил водитель, напряженно сжав руль.

Страшный пассажир больше ничего не сказал. Тень от собора стала отчетливей: тусклый уличный фонарь, со скрипом раскачиваясь на ветру, высветил величественные каменные стены и высокую колокольню, острым шпилем уходящую прямо в небо.

– Говорят, церковь не всю разобрали... Кладка прочная. – Человек в военной форме повернулся к своему соседу. – Надо бы наряд поставить... Хоть по ночам...

– Зачем? – Повернув голову, мужчина в фуражке уставился на собор, затем резко отвернулся.

– Говорят, огни видели... Как будто по церкви кто ходит. Значит, по ночам надо бы охранять. – Военный заискивающе смотрел на своего спутника, в котором за версту можно было разгадать большого начальника.

– И я слышал, – встрял в разговор шофер, который уже забыл, что надо бояться. – Народ говорит, что в закрытой церкви всегда есть блуждающие огоньки! Это не к добру.

– Сидел бы ты в своей деревне и не высывался! – в сердцах отозвался военный, которого вдруг стало раздражать абсолютно все.

– Останови. Напротив входа, – скомандовал старший. Автомобиль замер у обочины, напротив деревянных дверей собора, запертых на висячий амбарный замок.

– Смотрите! – вдруг воскликнул шофер. – Ну, что я говорил! Колокольня!

На самом верху, в узкой прорези каменного окошка мелькнул, дрожа, тоненький огонек, словно пламя свечи, колыхнувшееся от порыва ветра.

Зрелище было страшным. Рука парня за рулем инстинктивно дернулась вверх. Но, вовремя сообразив, что перекреститься будет намного страшней, чем увидеть призрак, он сделал вид, что поднял ее для того, чтобы поправить зеркало в автомобиле. Скользя пальцами по поверхности зеркала, водитель быстро опустил вниз дрожащую руку. Он моментально взмок, осознав страшную беду, в которую едва не попал – в компании таких пассажиров крестное знамение, даже сотворенное непроизвольно, означало смерть.

– Мародеры шуруют, – начальник в фуражке даже не шелохнулся, – находят щель. Стройматериалы воруют. Камни, доски. Щебень, опять же.

– Пугнуть бы, – отозвался военный, – пару раз по окнам пальнуть!

– Я тебе пальну! Весь город разбудишь, – начальник зло зыркнул на него темным глазом, с угрозой блеснувшим из-под фуражки, – дело сорвешь.

– Я это... того... предложил просто, – перепугался военный, – мародеров пугнуть. Шастают ведь.

– Ну и пусть шастают, – начальник пожал плечами, – не время и не место. Все равно в старой церкви больше ничего нет.

Было как-то странно называть величественный огромный собор старой церковью. И, словно с укором, отозвавшись на несправедливые слова, тусклая лампа на электрическом столбе, качнувшись, снова высветила высокий шпиль колокольни, тонувший в ночной черноте.

Огоньков больше не было. Темные впадины разбитых окон напоминали гнилые зубы во рту столетнего старика, являя зрелище жестокости времени и опустошения.

– Никого там нет. Показалось. Поехали дальше, – скомандовал начальник, надвинув фуражку на глаза еще глубже.

Автомобиль снова тихо заурчал и тронулся в темноту, следуя за изгибом пустой дороги, ночью похожей на спокойную полноводную реку с недвижимой ветром водной гладью.

Остановился он возле второго подъезда.

– Планшет, – коротко скомандовал начальник, и военный тут же подал ему кожаный планшет, лежащий сбоку на сиденье. Откинув крышку, мужчина принялся рассматривать лежащие в нем бумаги.

– Так, приказ есть... – задержался на одной из них.

– Все по форме, – нервно кашлянул военный, – как вы приказали.

– Хорошо. Ты все запомнил? Идешь со мной. Ты сидишь в машине, – обернулся к водителю. – Двигатель заглушить. Не привлекать внимания.

– Так нету здесь никого, коты только... – отозвался шофер, заметив мелькнувшего вдали темного ночного кота.

– Как выйдем из подъезда, багажник открыть, – начальник бросил на него злобный взгляд, но тут же обернулся к своему спутнику в военной форме, – пошли.

У входа в подъезд они остановились.

– Завтра этого... ушлешь. – Начальник говорил тихо, как будто их можно было услышать.

– В часть? Или... того? – замялся военный.

– Лучше того. Тупой, болтливый. Это твой прокол. Людей подбирать не умеешь. Доложить бы куда следует!

– Я исправлюсь! Все сделаю! – У военного затряслись руки. – И не пикнет больше, сволочь! Не повторится! Ты же меня знаешь.

– Знаю, – повернувшись, начальник уставился на него неподвижным тяжелым взглядом из-под фуражки, – знаю, потому и сказал. Другому бы не говорил. Сколько людей над делом работали. А тут...

Военный задрожал всем телом. Сделав вид, что не видит и не понимает его состояния, человек в фуражке усмехнулся и скомандовал:

– Пошли.

Они скрылись в дверях подъезда.

Пытаться уснуть было бессмысленно. Боль никуда не ушла, только стала острее. И, развернувшись к стене, Зинаида вдруг застонала от этой боли, которую в сотый раз принес повторяющийся жестокий сон. Затем откинула одеяло и села в постели, приложив холодные руки к пылающему лбу.

Занавески были раздвинуты. В этот раз она сделала так специально – так был виден собор. Он закрывал почти весь вид из окна, возвышаясь над миром и пряча от нее землю. Тень от каменных стен падала на ее пол.

На старом, вытертом паркете, чудом сохранившемся в ее комнате после девятнадцатого года, когда в топку в ужасные морозные зимы шло все – и мебель, и брусья комнатных пере-

кладин, и паркет, – была видна четкая линия, всегда находящаяся в одном, строго определенном месте. Это ночная лампа на электрическом столбе рядом с домом отбрасывала тень. Зина привыкла к этой тени. Она жила с ней с самого детства. И это было единственным, что осталось неизменным.

Резко встав с постели, она переступила босыми ногами через черту и подошла к окну, чтобы прикоснуться к холодному стеклу разгоряченным лбом. В комнате было мучительно холодно, но Зина совсем не чувствовала этого, несмотря на то что от ее дыхания шел призрачный, белесоватый пар.

Эту привычку она сохранила с самого детства: вскакивать с кровати посреди ночи и прятаться в тени собора, если ей приснился плохой сон. Ей казалось, что это ее исцеляет, дает силы, и несмотря на все ночные кошмары, сердце ее рвалось к жизни, и она все еще сохраняла иллюзию, что все будет хорошо.

Ей снились коридоры медицинского института и выпускные экзамены, на каждом из которых она получала высший балл. Лучшая в группе. Самая лучшая. Всегда. Только она.

Как ее называл этот профессор?.. Имя его стерлось из памяти Зины жестокое время. «Гордость нашего курса! Ждет слава профессора Мечникова...» – и это все о ней. Как же тогда ей завидовали! Сон окунал ее в реальность – пережитое тогда ощущение счастья. А потом... Потом стол, заваленный папками с записями ее работы, с чертежами и графиками, со всем, чего больше не вернут. Никогда.

Собственно, именно это ощущение – ощущение того, что ничего больше нельзя вернуть, и было самым мучительным. В этом сне от Зины уходило счастливое будущее – осознанием того, что могло быть в ее жизни, но уже не будет, не случится, не произойдет, не вернется... И эта невозможность возвращения в прошлое, это жестокое понимание того, как могла бы сложиться ее жизнь и как не сложилась, ночь за ночью мучительными тисками рвала душу Зины, заставляя вновь и вновь возвращаться в ее личный, созданный специально для нее ад.

После таких страшных снов только вид из окна на собор был единственным стержнем, ухватившись за который, Зина пыталась сохранить крупницы рассудка. И постараться раскрыть глаза, возвращаясь в реальность, где сама себе запрещала страдать.

Эта картина, знакомая и родная с самого детства, всегда придавала ей уверенности и сил. А между тем она знала достаточно много людей, у которых вид на собор ночью вызывал мучительный ужас. Люди словно боялись оказаться в этой тени, грозящей Судным днем и небесной карой. Но только не она.

Для нее это был символ защиты, символ навсегда утраченного детства, и, пытаясь сохранить осколки разбитой души, просто сохранить, если уж не собрать в одно целое, она мучительно протягивала руки к ночной тени, прекрасно зная, что эта иллюзия возникает только по ночам.

Но иногда эта тень выступала предостережением, напоминанием о том, что нет такого плена, из которого нельзя было бы не освободиться.

Зине было шесть лет, когда мама впервые взяла ее в собор. Был канун Рождественского поста, и дорогу к собору устилал хрустящий слой белого снега, пушистым облаком опустившегося на город всего за одну ночь. Это было удивительное ощущение – бегать по хрустящей уже застывшей белоснежной корке, чувствуя, как тонкие иголки мороза покалывают щеки и нос. Мама смеялась, они бросали друг в друга снежки, и белый мех маминой шубки был так похож на этот яркий, удивительный снег.

Он искрился на солнце, Зине было весело, но когда они вошли в тень стены, она вдруг споткнулась и остановилась от того, что у нее мучительно сжалось сердце.

– Не нужно бояться, – мама улыбнулась и поцеловала ее в щеку, – иди смело! Запомни: всегда нужно идти вперед. Как бы ни было страшно и холодно. Всегда нужно идти вперед.

– Я домой хочу... На солнышко, – заканючила Зина, стрательно хлюпая носом.

– Здесь тоже есть солнце, Зинуля, – улыбнулась мама, – только оно находится внутри тебя! Не нужно бояться собора. Он наш защитник. Помни об этом.

Крепко сжав мамину руку, Зина зажмурилась и шагнула вперед. А потом замерла, оглушенная слепящим каскадом золотистой лепнины и мощными звуками хора под высокими сводами. Это было так прекрасно, что она заплакала.

С тех пор прошло 30 лет. Но все эти годы она хранила в душе благоговение, возникшее в ее детстве, и помнила слова мамы.

Мама давно ушла на небо – как и вся прошлая жизнь. Осталась неизменной только она, Зинаида Крестовская, уже в зрелом возрасте осознавшая, что фамилия ее, как ни крути, означает только одно – крест.

Вздрогнув от холода, Зина опустила глаза вниз. На улице, возле самого подъезда, неподвижно стоял большой черный автомобиль с потушенными фарами. Не часто к их дому подъезжали такие машины, тем более по ночам. Заинтересовавшись, она попыталась выглянуть из окна, чтобы рассмотреть, кто находится в машине. Но ей это не удалось.

Резкий обрывистый крик прозвучал так неожиданно, что Зина резко дернулась, как будто ее ударили. Крик звучал со стороны комнаты соседа.

В этой комнате огромной коммунальной квартиры на девять семей жил старый подслеповатый учитель истории. Он давно был на пенсии. Говорил всегда тихим голосом, невероятно вежливо, что было для Зины настоящим бальзамом – так когда-то давным-давно разговаривали в ее семье.

Из комнаты сосед выходил только по утрам, жил очень размеренно и тихо. С чего вдруг он стал бы так страшно кричать ночью?

Сердце Зины сжало мучительное чувство тревоги. И, не долго думая, она схватила со стула длинную шерстяную шаль, в которую всегда закутывалась в холодной комнате, и бросилась в коридор.

Там было почти темно. Тусклая лампочка возле самой входной двери не рассеивала темноту. Это было проблемой их квартиры – никто не мог договориться с новыми, недавно вселившимися жильцами о том, кто и как будет платить за освещение в коридоре.

А туда навалили много барахла – сундуков, комодов, велосипедов, полок, шкафов, кастрюль и прочего ненужного хлама, который люди с низкой культурой выбрасывали из своих комнат на общую территорию, ничуть не переживая по тому поводу, что по коридору ходят все. И жильцы огромной коммунальной квартиры с завидной периодичностью бились впотьмах обо все это.

Выбежав в коридор, Зина тут же ударилась локтем о какое-то висящее на стене корыто, причем она отчетливо помнила, что вчера его в коридоре еще не было. Корыто звякнуло, словно огрызаясь. Зина продолжила путь дальше. Но тут же уткнулась в дородную соседку, внезапно выросшую перед ней, тетю Валю, такую же старожилку квартиры, как и она сама.

– Зинаида! До какой шухер шкандыбаем? – тихо, сквозь зубы рявкнула та на нее, намеренно загораживая путь.

– Там Петр Иваныч кричит, – Зина попыталась обогнуть соседку, но не тут-то было – в бок ей впился чей-то ржавый велосипед. – Ему плохо! Помощь нужна.

– Ха, плохо! Шоб нам так хорошо не было, как до него плохо! А ну засохни как столб под цугундером! – Тетя Валя была грозной, как дождевая туча. – Глаза б мои за твою дурную башку не шкрябались! А ну бикицер до комнаты – и ша! До кого за воздух трясу!

– Да вы что?! – от удивления глаза Зины полезли на лоб. – Ему же плохо! Он на помощь звал! Я врач!

– Ой, шоб высохли мои тапочки! Она таки-да дохтор! – Тетя Валя хмыкнула. – Да ты курья башка, шо свой тухес под такой шухер подставляет! Да за цей гембель всунешься, не

долго будешь доктором! Сиди как мышь засохшая до своей халабуды, и такое мне ша сделай, шоб ни одна кура не посинела!

Голос соседки звучал бодро, весело произносил привычные с детства слова, но была в этой веселости такая страшная, непредсказуемая трагичность, от которой у Зины сразу перехватило горло... И вдруг показалось, что больше нечем кричать.

Руки тети Валя дрожали. И, перейдя от слов к делу, она резко толкнула Зину назад. А затем решительно впахнула в комнату и вошла следом сама, придерживая дверь.

– Сиди тут, и уши об дверь не шкрябай. Никаких променадов за тот свет! – Тетя Валя стояла в дверях, загораживая проход. – Все, кончено. Гембель встал поперек горла. До него как до Боженьки – далеко, и горло не долетит. Жалко швицера старого. Беззлойный был, халамидник. А вот за тебя я в оцип не дам! Жизнь – она не грош под грязью, шоб топтаться тута – заходи, хто хочет. Дохлой курой быть мало радости, шая ты, за любой шухер недоученная! Знаю, до чего говорю. Сиди, как мышь недошмаленная. И не ори, как конь! Сейчас такое ша надо делать – шоб ни за кого!

– Вы думаете... – Понимание пришло резким ударом, и кровь отхлынула от лица Зины.

– Пыхтелку вонючую на резинах видела за окно? – Тетя Валя перешла на едва различимый шепот. – То-то же и наше вам здрасьте! Если уж за него пришли, ты-то за шо? За такой бикицер тебя зацапают – и все, пишите картины маслом! На кладбище. Ты мне ша сиди, и за комнату ни одним копытом! Доктор!

Выскользнув в двери, тетя Валя растворилась в темноте коридора. Дрожащими пальцами Зинаида заперла дверь на замок и рухнула на кровать. Крик больше не повторился. В квартире стояла пугающая мертвая тишина. Но Зина прекрасно знала, что никто из жильцов не спит. В тишине было слышно, как мучительно стучит ее сердце.

Резкий звонок раздался как гром. Это звонили ей. Вскочив, Зина едва не задохнулась от ужаса и буквально окаменела. А в комнату продолжали настойчиво и резко звонить.

Глава 2

Оглушительный звук, казалось, заполнил пространство сразу со всех сторон – звонок нажали во второй раз, в третий. А Зина все не могла сдвинуться с места, ужас парализовал ее волю и мысли.

В коридоре послышался шум. В эту ночь никто в квартире, понятно, не спал. Ужас притаился в каждой трещинке потолка в коридоре, в прямоугольниках паркета на полу, в тенях стен. Ничего не оставалось – только умирать от страха, слушая, как ночью кто-то звонит в дверь. Это был вестник беды – страшный звук ночного звонка, несущий самое плохое, без всякой надежды на спасение.

Потом она увидела тень. Резкую черту на полу. Именно это вырвало Зину из оцепенения, из страха, охватившего всю ее душу. Сдвинувшись с места, она заставила себя открыть дверь комнаты и выйти в коридор. Медленно пойти к входной двери, замерев, словно в ожидании приговора.

– Не открывай! – Перед Зиной выросла тетя Валя с белым лицом, похожим на стеклянную маску, обмазанную белилами. – Позвонят и уйдут. Не открывай!

– А если нет? – Говорить все еще было страшно – впрочем, оставалось уговаривать себя, что это скоро пройдет, потому, что не оставалось ничего другого.

– Они вернулись за тобой! Я не знаю зачем... – Голос тети Вали дрожал, и Зина подумала о том, что в эту ночь страшно было всем, кто оказался в этой квартире. – Сейчас за тобой... А потом и за кем-то другим могут прийти!

Продолжая двигаться к двери, Зина пожала плечами.

– Не открывай, кому сказала! – Тетя Валя вцепилась в ее руку, оставляя вмятины на коже острыми ногтями. – Позвонят и уйдут!

– Нет, – Зина с трудом высвободила кисть и увидела, как полукружия ранок наполняются алой, совсем свежей кровью, – будь что будет. Мне все равно.

– Старика забрали до машины, – быстро зашептала тетя Валя, – я в окно видела, как его выводили. Он не вернется. Ты понимаешь? Он уже не вернется! Теперь они пришли за тобой!

– Уходите к себе, – Зина уже подошла к входной двери.

Тете Вале не нужно было повторять дважды. Трагически всхлипнув, она бросилась прочь по застывшему коридору со скоростью, совсем не свойственной для ее комплекции. И очень быстро захлопнула за собой дверь, а потом резко, с хрипом, повернула на два оборота ключа замок, как будто именно два оборота могли ее спасти.

Зина распахнула дверь, встречая беду. Но к тому, что увидела, она была не готова. Ухватившись за стену, чтобы не упасть, она только и смогла произнести:

– Ты?..

Человек, которого Зина меньше всего ожидала увидеть, потоптался, переминаясь с ноги на ногу. Это был Андрей Угаров, ее однокурсник по медицинскому институту.

– Я разбудил тебя? Извини. Можно войти?

– В половине четвертого ночи?! – Она все еще не верила своим глазам. – Зачем ты здесь? Почему от тебя всегда одни неприятности и беды?

– Я не хотел... Извини. Просто у меня не было другого выхода. – Андрей явно нервничал.

Быстро сообразив, что после всего, что произошло в квартире этой ночью, абсолютно неуместным дополнением к ужасу будет бесплатный концерт совершенно нелепого выяснения отношений, Зина посторонилась:

– Заходи, и быстрее. Хватит привлекать внимание соседей. Где моя комната, ты знаешь.

Андрей знал, несмотря на то что был здесь последний раз больше десяти лет назад. Очень быстро он прошел по коридору и открыл нужную дверь.

– Прости, пожалуйста, – Андрей нервно заходил по комнате, бессмысленно начал переставлять какие-то предметы на столе, – я понимаю, что тебя напугал, но...

– Нет, ты не понимаешь, – Зина вдруг почувствовала горечь, и эту горечь ей страшно захотелось сразу же выплеснуть на него. Она быстро заговорила: – Ты никогда ничего не понимал! В этом всегда была проблема. Десять лет! Ты не появлялся в моей жизни десять лет. Все это время я не была тебе так срочно нужна, да? Десять лет, чтобы потом появиться в половине четвертого ночи и перепугать весь дом!

– Извини. Мне срочно нужна помощь, – Андрей продолжал совершать какие-то бессмысленные действия – достал книгу из шкафа, передвинул чашку с середины на край стола... Он был похож на бесплотную тень, вихрем ворвавшуюся в ее комнату, чтобы снести абсолютно все, как бывало уже не раз, а главное – вдребезги разбить привычный уклад ее жизни.

– Я попал в очень тяжелую ситуацию. – Андрей наконец заговорил внятно, хоть и сбивчиво: – У меня есть один странный пациент... Что с ним делать, я не знаю, и никто не знает. Я вспомнил, что ты была лучшей на курсе... Твою дипломную работу по физиологии, и... Мне очень нужна твоя помощь! Я не могу справиться один.

– Что за бред? – Зина запахнула поплотней шаль, чувствуя себя неудобно под его обжигающим взглядом. – Я детский врач, педиатр! А ты работаешь в психичке! Зачем я тебе? Что, галоперидол закончился? Я просто не понимаю, почему ты ворвался ко мне ночью, чтобы нести весь этот бред, и...

– Пожалуйста! Ты должна со мной поехать! – В голосе Андрея зазвучала непривычная для ее слуха мольба. Это удивило Зину так, что она даже отступила на несколько шагов назад, пытаясь взять себя в руки. Сделать это было нелегко. Оказалось, что десять прошедших лет были совсем крошечным отрезком времени.

– Куда ехать? – вздохнув, спросила Зина.

– В психиатрическую больницу.

Андрей взглянул на нее, и она узнала знакомый блеск в его рыжеватых, ярких глазах, который про себя называла солнечными кристалликами.

Это были крошечные яркие огоньки. Но когда они загорались в его глазах, то освещали весь мир, вспыхивая сполохом настолько ярким, что по сравнению с ними гасло и солнце, и

электричество. Как чарующие огни папоротника, ярко горящие в самой беспросветной ночи, эти огоньки вели ее за собой. И душа ее, мучаясь и корчась, как ведьма на костре, сгорала в них, лишаясь сопротивления и остатков последней воли. Эти огоньки его глаз до сих пор завораживали душу, хранимые в глубине памяти.

Солнечные кристаллики на ладони, которые разбили всю ее жизнь...

– Зина, пожалуйста, – он как-то по-женски, истерически заломил руки, – этого пациента привезли прошлой ночью, и я абсолютно не знаю, что с ним делать! Мне нужно с кем-то поговорить. С кем-то, кто понимает. Ты даже не представляешь себе, насколько это серьезно.

– Проконсультируйся с кем-нибудь из своих коллег, – она пожалала плечами, – мало ли хороших психиатров в городе! Зайди на кафедру...

– Ты не понимаешь! – воскликнул Андрей. – К нему запрещено приглашать других врачей! Только я один могу заниматься им – в обстановке повышенной секретности. Я даже имени его не знаю, только номер, под которым его прячут.

– Его? Значит, это мужчина? И что ты должен с ним делать – заставить заговорить?

– Поехали со мной! Ты все увидишь сама.

– Но ты же сказал, что других врачей запрещено допускать... – Все происходящее нравилось Зине все меньше и меньше. Оно настораживало и пугало.

– Я проведу тебя тайком, через кухню, со стороны служебного входа. Ты единственный человек, которому я могу доверять! Я должен поговорить с тобой, иначе сойду с ума! Я знаю, что был перед тобой очень виноват. Но у тебя добрая душа! Все очень серьезно. Сейчас на кон поставлена моя жизнь, – казалось, Андрей готов был пасть на колени перед ней.

– А если кто-то узнает, что ты провел в больницу меня? Тебя арестуют, расстреляют? – усмехнулась Зина.

– Будем надеяться, что до этого не дойдет.

– Его НКВД прячет? – спросила она в лоб. Это была своеобразная проверка – если начнет изворачиваться и лгать, ситуация действительно может быть очень опасной. Но Андрей не лгал.

– Да, – прямо ответил он. – Я тебе говорю: его под шифрованным кодовым номером прячут. Никаких записей в истории болезни нет.

– Хорошо. – На самом деле Зина уже давно приняла решение, – слишком уж ее заинтересовал, заинтриговал этот ночной визит. – Я поеду с тобой. Но я не знаю, чем смогу тебе помочь. Я всего лишь районный педиатр в детской поликлинике на Слободке.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так! А Слободка – совсем рядом со мной, – мягко улыбнулся он, – я всегда ценил твой ум.

Она горько усмехнулась. Затем, решив прекратить бессмысленное выяснение того, что выяснить нельзя, ушла за ширму и стала одеваться.

На улице было холодно. Поднялся ветер. Там, где на тротуаре оставались растаявшие полоски снега, теперь блестел лед. Они остановились перед небольшим черным автомобилем, стоявшим недалеко от подъезда.

– Вижу, ты пошел в гору, как и хотел, – усмехнулась Зина, – разбогател.

– Все не так, как ты думаешь! Это служебная машина. Я просто позаимствовал ее на время, – ответил Андрей.

Внутри салона она разглядела пропуск с печатью НКВД, прикрепленный к лобовому стеклу. Ей стало страшно. Она вдруг подумала о том, что, несмотря на все их прошлое, так до конца и не узнала этого человека. Этого странного мужчину с напряженным, застывшим лицом, изо всех сил вцепившегося в руль.

– Как для служебной, это хорошо! – против воли Зина внимательно вглядывалась в его лицо.

Угаров постарел. Профиль его стал жестче и четче. Появились серебряные волоски в висках и горькая складка у рта – следы одиночества и разбитых надежд. Зина умела читать

лица людей как открытую книгу – по шрамам и отметинам, которые оставляло на них время. Почти все лица. Только вот это, когда-то такое родное, так и не смогла прочесть.

– Ты о чем? – нахмурился Андрей.

Она хотела усмехнуться, но получилась гримаса.

– О машине. Ты так хорошо научился водить. Раньше я и не подозревала у тебя такой способности.

– А ты считаешь, что знаешь обо мне все? – подняв брови, он повернулся к ней. Похоже, Андрей действительно был удивлен.

– Нет, – лгать Зина никогда не умела, это было самым большим ее недостатком – в отличие от многих людей, она прекрасно понимала, что в жизни это никакое не достоинство.

– Ты всегда что-нибудь да и подозревала, – без улыбки улыбнулся Андрей. Так умел делать только он. Улыбнуться без улыбки и этим поставить ее на место, заставить чувствовать себя виноватой без вины и извиняться без конца.

Но странно! Сейчас, впервые в жизни, Зина вдруг не почувствовала ни ненависти, ни раздражения, ни элементарной тревоги. Только что-то похожее на ностальгию шевельнулось в том месте, где когда-то была ее душа.

По Перекопской победы они стали спускаться к Балковской. Внезапно из ближайшего переулка выехал большой черный автомобиль. Он съехал на дорогу и фактически преградил им путь. Резко затормозив, Андрей чертыхнулся сквозь зубы. Зина отметила про себя, что это тоже было в нем новым. Раньше он никогда не употреблял крепких слов. Это она научилась выражаться резко и грубо, и даже куда дальше послать... Он – нет. Ссоры между ними возникли и из-за этого тоже. Зина все пыталась доказать, что умение вставить при случае крепкое слово не делает из нее опустившегося человека. Однако Андрей всегда ценил благопристойность – хоть и внешнюю, фальшивую и лишнюю, как шестой палец... Он был из тех людей, о которых говорят, что ненавидят за спиной, улыбаясь в глаза...

Но теперь и он изменился. Похоже, время меняет всех. И, услышав, как Угаров ругнулся, нажав на тормоз, Зина с удивлением, граничившим с восторгом, распахнула глаза.

Из машины, преградившей им путь, вышел человек в форме НКВД и поднял вверх руку, приказывая остановиться. Он стал в кругу света от уличного фонаря, падавшего на его лицо.

– Документы! – рявкнул офицер, когда Андрей вышел из машины. – И гражданка пусть выйдет тоже!

Зина вышла. Было холодно. Черное драповое пальто не спасало от ночного мороза и от страха. От этой адской смеси даже руки ее стали дрожать. Угаров протянул документы – водительское удостоверение, паспорт. Офицер подсветил фонариком, вынутым из кармана. Он был один, но было понятно, что в темном автомобиле находится довольно существенная подмога.

– Куда направляетесь в такой час? – задал он вопрос.

– Я врач, работаю в психиатрической больнице на Слободке, – заговорил Андрей. – Мне позвонили и сообщили, что одному из пациентов стало плохо, он впал в буйство. Я выехал... – Говорил Угаров спокойно и ровно, и Зина вдруг вспомнила принцип, которому он учил ее с самого первого момента их знакомства: рассказывать надо только правду, тогда ты не собьешься, и тебе поверят, исключительно правду – но не всю, и не всегда.

– Кто ваша спутница? – Офицер направил фонарик Зине в лицо. Она отвернулась...

– Врач из соседнего отделения. Физиотерапевт. Я по дороге заехал за ней.

– Чей автомобиль? – Задавая вопросы, офицер просто проверял их, так как по документам явно знал ответ.

– Мой личный автотранспорт.

– Проезжайте. – НКВДшник вернул документы и вернулся в черный автомобиль. Тот, урча двигателем, съехал на мостовую и быстро укатил вниз к Балковской.

Зина и Андрей вернулись в машину, но заводить зажигание он не спешил. С ужасом она увидела, что у него дрожали пальцы.

– Ты видела, за мной следят, – наконец произнес Угаров. И так как Зина молчала, продолжил, словно упорствуя: – Это не случайность!

– Это твой личный автотранспорт? – Не мигая, она уставилась на него.

Похоже, Андрей еще не пришел в себя. Покачиваясь всем телом, он через силу произнес:

– Теперь они знают тебя. Они поняли, что ты со мной. – Он говорил в темноту, не слыша ее слов. А потом вдруг очнулся: – Да, я купил машину! Ну извини, я сразу не решился сказать! Ты бы стала задавать разные вопросы, как я это сделал, как мне удалось. Я с тобой всегда чувствовал себя как на допросе!

– Как ты это сделал, как тебе удалось? – улыбнувшись, спросила Зина.

– Я... это не важно, – он отвел глаза в сторону.

– Ты работаешь на них, – вздохнула она.

– Я знал, что ты догадаешься, – Андрей тоже вздохнул, – но это не то, что ты думаешь. Я делал эксперименты с сознанием. Внушаемость, и все такое. Исследовал различные вещества, их влияние на человеческий мозг, степень внушения. За эту тайную работу много платили, и...

– Ты ставил эксперименты на арестованных НКВД? – прямо спросила Зина.

– Какая теперь разница? – В голосе Андрея зазвучала горечь. – Это уже не важно. Ничего не вышло из моих экспериментов. Ни результатов, ни... людей.

– Ты хотел стать великим. А стал правильным, – горько усмехнулась она.

Он не ответил. Завел машину. Больше они не сказали друг другу ни единого слова. Автомобиль тронулся.

Мрачные корпуса психиатрической больницы возвышались темной громадой. Зине вдруг подумалось, что даже если не знать, что это за место, все равно нельзя пройти мимо, не ощутив этой атмосферы безнадежности, запустения, тоски. Ей вспомнилось, как давно, еще в царские времена, назывались психиатрические лечебницы – домом скорби. И более точного названия нельзя было подобрать.

Дом скорби. Здесь жили те, в ком больше ничего не осталось от людей. Разве может существовать скорбь большая, чем эта?

Автомобиль обогнул металлическую ограду, решетки, стал объезжать здание со стороны. Когда-то давно, еще во времена учебы, Зина здесь бывала. Они тогда проходили практику. Ей хватило нескольких занятий, чтобы понять – нет силы, способной удержать ее в этом месте.

– Куда мы едем? – прервала молчание она.

– Мы обойдем здание с другой стороны, – ответил Андрей. – Сзади в заборе есть лаз. Мы войдем через подвал, мимо прачечной и кухни, тайком от всех. Тебе придется запомнить этот вход.

– Зачем? – Зина вдруг перепугалась еще больше.

– Затем. А может, тебе понадобится вернуться? Без меня. Чтобы его спасти.

– Кого? Твоего пациента? – Острый страх сжал сердце Зины ледяной колючей лапой – во что же она позволила себя втянуть? Что это за кошмар такой, лезть в больницу через какие-то подвалы, а потом неизвестно кого спасать?..

– Ты на нем тоже эксперименты проводил? – не выдержала она.

– Нет, – Угаров повернулся к ней и сказал строго: – Если бы я их проводил на нем, он был бы здоров. И вообще молчи. Ты скоро все узнаешь. Запоминай.

Он оставил машину возле какого-то мрачного, тесного переулочка без единого огонька, застроенного узкими, покосившимися одноэтажными хибарами – это все, что Зине удалось разглядеть в свете фар. Где-то в отдалении взвыла собака, звякнула цепью. Зина почувствовала, как по ее затылку стекает липкий ледяной пот.

Что арест соседа, что ночной звонок в дверь! Вот именно здесь и сейчас ее ожидал настоящий ужас, первобытный, отчаянный, словно пришедший из далеких веков, чтобы смертельным вирусом проникнуть в ее кровь и остаться в ней до конца.

Идти пришлось недолго, меньше квартала. Наконец Андрей, подойдя к деревянному забору, отогнул в нем доску, влез в щель сам и помог влезть Зине. Они быстро прошли через узкий дворик, заваленный тюками с грязным бельем, и остановились возле зарешеченного входа в подвал.

– Чтобы поднять решетку, надо открутить всего два винта, слева – вверху и внизу, – произнес Андрей. – Сделать это можно простой отверткой. Винты справа не трогай. Это декорация.

Поковырявшись возле решетки, Андрей поднял ее, и наконец они влезли в лишенное стекол окно и оказались в узком темном коридоре, где их встретила просто отвратительная вонь.

– Прачечная, – пояснил Андрей, как бы извиняясь. – Теперь направо. Дальше – кухня.

– Почему же вонь такая? – не выдержала Зина.

– Господи, да ты ведь сама понимаешь, что у нас за пациенты, – горько усмехнулся он. – Многие годами гниют в собственных испражнениях. Помнишь картину по клинической шизофрении?

– Нет, – Зина удивленно покачала головой.

– Ладно, забудь. Персонала не хватает, – коротко сказал Андрей.

Он открыл незапертую дверь, которой заканчивался коридор, и они оказались в месте, похожем на настоящую тюрьму. По обеим сторонам коридора двери были под густыми стальными решетками, и такими же решетками заканчивался каждый отсек коридора.

– У меня универсальный ключ – пропуск, – произнес Угаров. – Я сделаю тебе копию.

– Кого здесь держат? Это же тюрьма! – Зина не смогла сдержать возгласа – было сложно испытать больший ужас, представляя, кто находится здесь, за запорами.

– Хуже, – вздохнул Андрей. – Значительно хуже. Из тюрьмы можно выйти. Отсюда – уже нет. Здесь находятся без прошлого, без будущего, без мозга... – почти шепотом закончил он.

– Электрошок? – воскликнула Зина, начиная понимать.

– И это тоже, – кивнул он. – Это самое страшное отделение. Оно для пожизненных.

Андрей помолчал.

– Вон за той дверью – женщина, которая утопила в ванне троих маленьких детей. А рядом – женщина, которая сожгла в духовке своего годовалого сына заживо. Это больше не люди. Зачем выходить таким?

– Я думала, здесь не держат пожизненных, – растерялась Зина.

– Их действительно переводят в другие места. Но не всех.

Жирная наглая крыса, переваливаясь, неспешно перешла им дорогу и протиснулась в отверстие у стены под тюремной решеткой.

– А еще те, кого привозят к нам под номерами, – Андрей говорил глухим шепотом, так, что Зина едва различала слова. – Ты понимаешь, о чем я... И они тоже не должны выйти. Так, мы почти пришли. Запоминай.

Они дошли до самого конца коридора и остановились у последней двери, как и все остальные, забранной густой решеткой. Оттуда не доносилось ни звука.

Глава 3

Андрей открыл дверь очень быстро, предварительно оглянувшись в даль пустынного коридора. Там никого не было. Замок щелкнул. Он отодвинул в сторону решетку, и Зина замерла, не поверив своим глазам.

– Да входи же! – Андрей легонько подтолкнул ее в спину. – Здесь стоять нельзя.

И, наслаждаясь страшным эффектом, со своей привычной долей мстительности, знакомой ей по еще прежним годам, добавил:

– А ведь я тебя предупреждал!

Зина, не помня себя, вошла внутрь, двигаясь словно во сне. За всю свою жизнь, за всю свою врачебную практику ей не доводилось видеть ничего подобного! Кровь даже не леденела в жилах – она просто застыла, полностью остановив свой ход.

Комната – келья – камера, как ее назвать, Зина не знала, была обставлена с той страшной аскетичностью, которая всегда является неотъемлемой частью тюрем и больниц. Узкое пространство было полностью занято металлической койкой, придвинутой к стене. Она была застлана грязной простыней, которая сползла в сторону, обнажая старый, рваный матрас в пятнах. Ни подушки, ни одеяла не было. Вместо этого были отчетливо видны кожаные ремни – кандалы для рук и для ног, прочные и страшные путы, которыми пристегивают пациентов в психиатрической больнице. Ни умывальника, ни тумбочки не было. Стены были обиты мягким материалом – безопасность для буйных плюс звукоизоляция. Впрочем, пациент, который находился в палате, не нуждался ни в звукоизоляции, ни в кожаных ремнях.

На самом краешке койки неподвижно сидел... ребенок. Это был мальчик не старше десяти лет, светловолосый, славянской внешности. Он был такой худенький, что острые косточки плеч проступали сквозь больничную пижаму. Страшное, угнетенное состояние ребенка просто бросалось в глаза!

Он был абсолютно неподвижен. Широко раскрытые глаза, похоже, ничего не видели, несмотря на то что были открыты и уставлены в одну точку. Рот полуоткрыт, из безвольных, вялых и онемевших губ стекала уже где-то подсыхающая струйка мутной слюны. Все черты его

лица были искажены страшной гримасой. Это было выражение дикого, чудовищного, просто вселенского испуга, который поразил этого маленького человека как удар! Люди суеверные и простые с воплями бросились бы прочь от этой жуткой гримасы, крестясь и крича про дьявольщину. Но Зина как врач моментально определила, что лицо ребенка было искажено судорогами, от которых онемели мышцы, потому и появилась на его лице такая страшная гримаса, означающая вселенский страх.

Руки ребенка безвольно лежали на коленях пальцами вверх. Они были скрючены, как птичьи когти. Вся поза и положение рук были для человека в нормальном состоянии жутко неудобны, так нельзя было бы долго просидеть на одном месте. Но мальчик был неподвижен. Ступни его ног были вывернуты наружу пятками, как будто он страдал плоскостопием. Было ясно, что это последствия судорог. В комнате стоял характерный тяжелый запах. Зина поняла, что ребенок испражняется под себя.

– Долго он сидит... так? – Голос ее дрогнул.

– Его привезли таким, – отозвался Андрей. – Он в ступоре. Но я никогда не видел ступора у ребенка. Потому тебя и позвал.

Она подошла ближе, попыталась распрямить мальчику пальцы и вернуть его руку в нормальное состояние. Пальцы были твердыми и холодными на ощупь. Ей это почти удалось. Но едва она разогнула последний палец, пытаясь вывернуть кисть, как рука ребенка вернулась в прежнее состояние – к той самой неудобной позе.

Ступор. Зина видела только картинки на эту тему в медицинском учебнике по психиатрии, но ей никогда не приходилось наблюдать живого, реального человека в таком состоянии. Мистики назвали бы его промежуточной остановкой между двумя мирами – человек еще не умер, но назвать его живым не было никакой возможности.

Она стала лихорадочно вспоминать то, что читала когда-то о психиатрическом ступоре – это один из видов двигательного расстройства, представляющий собой полную обездвиженность с ослабленными реакциями на раздражение, в том числе и болевое. Обязателен мутизм – немота. Полное отсутствие каких-либо реакций, отказ от коммуникаций. Больной ступором не разговаривает, может долго не питаться, не соблюдает гигиенических норм, сидит на одном и том же месте, в одном положении, придерживаясь часто неудобной, противоестественной позы, невозможной в нормальном состоянии. При попытке изменить позу тут же возвращает ее обратно. Сознание полностью отключено.

Зина повернулась к Андрею:

– Это действительно ступор? Какие симптомы?

– Сознание отключено – полное помрачение. Абсолютная неподвижность. Мутизм.

– Но есть слюнотечение.

– Слабое. Повышенный тонус мускулатуры. Угнетенность рефлекторных реакций. Полное отсутствие вербального общения. Не слышит, не говорит. Также полное отсутствие болевой чувствительности – боли не испытывает и ничего не почувствует, хоть порежь его на куски. Абсолютно не реагирует на внешние раздражители – на изменение температуры, звуки голоса, шум. То есть все, как описано в учебнике, то, что ты сейчас вспоминаешь про себя!

Зину всегда поражала странная способность Угарова словно бы читать мысли. Это изучение потаенных мыслей людей и умение считывать по ним тайную информацию он когда-то считал залогом своего успеха.

– Когда его привезли, он лежал, был неподвижен. Похоже, ему искусственно пытались закрыть глаза. Я даже решил, что у него сопор! Помнишь еще, что такое человек в сопоре?

– Смутно.

– Сопор – это когда сознание отсутствует, и человек выглядит спящим. Похоже на глубокий сон! Но сопор – это не самостоятельное заболевание, а свидетельство нарушения работы головного мозга, вызванное какими-то серьезными причинами. Глубокая черепно-мозговая

травма, поражение мозга, отек мозговой ткани... При углублении состояния сопора развивается кома. Сопор – это промежуточное состояние между оглушением и комой. Но здесь не было ничего подобного! Через какое-то время, когда его отвязали и оставили у меня на кровати, он моментально попытался сесть, а затем и сел так. Было ясно, что работа мозга не нарушена, и это не сопор. Я стал исследовать и понял, что поражения мозга нет. Значит, ступор. А ведь это намного хуже!

– Почему хуже? – нахмурилась Зина.

– Потому, что полный перечень причин, приводящий к ступору, в современной психиатрии до сих пор не изучен.

– Но подозрения есть?

– Черепно-мозговая травма, состояние болевого шока. Психологическая травма, психологический шок, когда человек стал свидетелем чего-то невероятно страшного, того, чего его психика просто не выдержала. Ну, дальше уже в фантазию можно зайти, не в медицину. Может быть последствием серьезного инфекционного заболевания или полной интоксикации организма! Но первой, конечно, подозревают травму головы.

– Ты осмотрел? Были раны на его теле, на голове? – настаивала Зина.

– Осмотрел тщательно, буквально с лупой каждый сантиметр тела. Никаких травм на его теле нет. Ни ран, ни царапин, ни застарелых синяков или ушибов, или ссадин непонятного происхождения – абсолютно ничего! И голова не повреждена. Все чисто. Температура тела, правда, была несколько повышена, когда его привезли, а затем стала быстро понижаться.

– Насколько повышена?

– 37, 6.

– Ты снижал чем-то?

– Нет. Никаких препаратов не вводил. Как только он сел, температура тела стала резко понижаться. Сейчас 35, 4.

– Низкая. – Было понятно, что сейчас разговаривают врачи: коротко, скупое, резко.

– У больных ступором так и бывает.

– Тебе сказали хоть что-то? – Зина никак не могла прийти в себя.

– Абсолютно ни слова! Сказали только – приводите в чувство, оставили здесь на кровати и ушли.

– А следы сексуального насилия?

– Абсолютно никаких!

– Что же тебя смутило так сильно, что ты позвал меня? – задала вопрос Зина. – Кроме возраста, конечно. Кстати, его предполагаемый возраст до 12 лет?

– Я бы даже сказал – до 10. Но ему вполне может быть и 12. Ребенок плохо развит. Вес недостаточный для такого возраста. Что смутило, говоришь... Лечение! – честно ответил Андрей.

– А вот с этого момента поподробнее, – насторожилась Зина.

– Ты знаешь, что ступор лечится всегда в стационаре. В таком состоянии человек не может находиться в домашних условиях, он попросту умрет. Для лечения всегда применяют барбитал – кофеиновое растормаживание. Уколами возбуждают и активируют нервную систему. Ступор – это оцепенение всего организма, и важно вывести человека из такого состояния. Для нервной системы необходим толчок!

– Ты сделал уколы – и что произошло?

– Что-то страшное! Начались судороги и неконтролируемая рвота. Еле остановил. А ступор как был – так и остался! Нервная система не отреагировала.

– Это плохо! – Зина задумалась.

– Тогда я и подумал, что это не ступор.

– Да, похоже... Как будто что-то блокирует его нервные рецепторы.

– Вот поэтому я тебя и позвал.
– Анализы? – Зина, отбросив личное, снова заговорила как врач.
– Сделал. Кровь, все, что положено. Все в норме. Никаких посторонних веществ. Даже воспаления нет!

– Этого не может быть! Ты делал? – вспыхнула Зина.
– В лаборатории, – растерялся Угаров.
– Анализы подменили, – убежденно произнесла она.
– Ты думаешь? – Андрей нахмурился. Ему эта мысль в голову не приходила.
– Абсолютно! – Зина была непреклонна. – Абсолютно! Не может кровь быть нормальной в таком состоянии. Дай-ка я осмотрю его! Ведь ты меня только для этого позвал, да? – снова забыв, что врач, с подковыркой, по-женски спросила она, и Угаров отвел глаза.

Зина начала осмотр. Тело ребенка было на ощупь холодным. Страшно было видеть неподвижные, лишённые жизни детские глаза. Несмотря на то что она осматривала очень тщательно и долго, это ничего нового также не дало.

– Не знаю... – Зина застыла в задумчивости, – никогда не видела ничего подобного. Таких пациентов у меня еще не было! Но...

– Но – что? – сразу вскинулся Андрей, – у тебя возникла мысль? Говори!
– Ну, я помню, что читала в учебнике. Полностью устранить ступорозные состояния не удается. Особенно при кататоническом ступоре. Но... – запнулась она, боясь, что ляпнет глупость, и он тут же высмеет ее.

– Да говори же! – не выдержал Угаров.
– Скажу глупость, будешь смеяться, – Зина пыталась улыбнуться, но глаза ее не смеялись. Искреннее доверие или жестокая насмешка – с ним ничего не знаешь наверняка.

– Не буду, – честно пообещал Андрей. – Что бы ты ни сказала, ну даже что ангел спустился с неба и долбанул его по голове своей дубиной, это все равно будет лучше, чем то, что мы видим сейчас, – горько усмехнулся он.

– Ангел мечом может долбануть... Нет у них дубин, – поправила Зина машинально.
– Не цепляйся к словам! – Андрей был раздражен, но она поняла, что не ею, а всем происходящим.

– А если это не ступор? Если он отравлен каким-то веществом, которое блокирует рецепторы, и судороги вызвали состояние ступора? – выдохнула она, ожидая его подколов. Но Андрей не засмеялся.

– Противоядие? Хотя бы атропин? – задумался он. – Как-то не пришло в голову...
– Ну, это просто предположение, – заторопилась она. – Ты же сам сказал, что ступор может быть вызван интоксикацией... А если это интоксикация? – Зина уже смело посмотрела ему в глаза.

– Буду думать, – сухо отозвался Угаров, и было понятно, что все равно он не хочет соглашаться с ней сразу.

– Одежда у него была? Личные вещи? – она постаралась перевести разговор.
– Нет. Его привезли уже в больничной пижаме.
– Значит, до этого он уже был в какой-то больнице? Можно определить, откуда пижама?
– Все можно, – тон Андрея снова был сухим. Похоже, ему почему-то ему очень не понравилась высказанная Зиной мысль про отравление. Но почему – она не могла понять.

– Возьми анализ крови, – вдруг произнес он.
– Что? – не поняла Зина.
– Давай ты сделаешь анализ в своей поликлинике. Тайком. Сможешь? – повторил Андрей.

– Ну конечно.
– Тогда я за пробиркой и шприцем.

Зине было страшно оставаться наедине с несчастным ребенком, которому пока ничем нельзя было помочь. Вдруг ее внимание привлек странный звук. Это был вздох, вырвавшийся у мальчика, еле уловимый хрип. Стетоскоп в палате был – Угаров принес его для осмотра и оставил на спинке кровати. Зина начала слушать ребенка – и нахмурилась. За таким занятием и застал ее Андрей.

– У него хрипы, – теперь она была полностью в этом уверена, – не сильные, в верхних долях. Как будто остаточные явления после бронхита.

– Что за чушь? – Угаров смотрел на нее во все глаза.

– Это не чушь! Мне с самого начала дыхание его показалось жестким. А теперь я уверена – этот ребенок болел бронхитом, возможно, даже был в детской больнице.

– Ты уверена? – Андрей растерялся.

– Вполне! Я каждый день это слушаю.

– Признаться честно, подобное мне и в голову не пришло! Бронхит... А мокрота, кашель?

– Организм заторможен, все заблокировано. Уверена, если ты выведешь его из этого состояния, он начнет сильно кашлять.

Угаров ничего не ответил. Вместо этого принялся набирать в пробирку кровь из вены ребенка. Мальчик никак на это не реагировал.

В коридорах поликлиники было душно, толпилось много людей. День был грудничковый – это означало нервы и головную боль, от которой некуда было бежать.

Выглядела Зина плохо, да и чувствовала себя не лучше – сказывалась бессонная ночь.

– Шо ты как с креста снятая? – забеспокоилась пожилая медсестра, работавшая в одном кабинете с ней, – ходишь вся зеленая! Ты на себя зеркало видела?

– Голова болит, – вымученно улыбнулась Зина, – не спала ночь.

– Ну, не на свиданке была, сразу видно. Вся как зашмаленная! Шо случилось-то?

– Соседа арестовали ночью, – прямо сказала Зина, сама не понимая, зачем это делает, – никто не спал.

– Ой, все! – забеспокоилась медсестра. – Очереди-то в коридоре! Очереди! Давай-ка я по записи начну, а то вон как грудники-то орут...

Сказать кому-то что-то было страшно. Это был очень бедный рабочий район города. Плохо одетые женщины с вечно голодными, орущими от недоедания детьми толпились в коридоре перед ее кабинетом. Коридор выходил в холл. Там был шикарный ремонт, на стенах – никаких дождевых потеков, целый линолеум и даже непротекающая крыша. На стене висел большой портрет Сталина, и известка на стене под ним была абсолютно белой. Главврач поликлиники очень сильно беспокоилась, сделала хороший ремонт, чтобы повесить портрет вождя. А не то, не дай бог, пятно или трещинка на стенке, что тогда? Люди пропадали и за меньшее!

И строгий Сталин висел в обрамлении белой краски, сурово глядя на орущих малышей, которых тщетно пытались укачать на руках измученные, вечно уставшие матери.

В начале 1936 года отменили продуктовые карточки. Но долгожданного облегчения это не принесло, наоборот. Продукты стали дорожать с невероятной скоростью. Зарплата не хватало. И, несмотря на то что хлеб больше не выдавали по карточкам, а можно было просто купить, его по-прежнему не хватало.

Шепотом, закрыв все двери на замок, рассказывали о страшном голоде, случившемся несколько лет назад, о том, что в селах люди умирали целыми семьями. Но говорить об этом громко было нельзя. Подробностей никто не знал. Голод был везде, и в городах тоже – мучительный, выворачивающий наизнанку внутренности и убивающий все остальные мысли.

Голод был самой страшной бедой. И груднички, орущие в коридорах детской поликлиники, это ощущали в полной мере. От плохого питания у их матерей не хватало молока. Сложно было выкормить ребенка в голодный год, страшно и мучительно.

Здесь, на Слободке, были частные дома. Покосившиеся хибары, глинобитные лачуги бедноты, иногда – с традиционными крышами, как в селе. Здесь многие держали домашних животных. Тощие козы и коровы бродили по пустырям, выщипывая пожухлую траву, пробивавшуюся из-под камней.

Большинство грудничков района, где работала педиатром Крестовская, выкармливала коза Машка, которая по праву считалась самой настоящей кормилицей. Хозяйка Машки, сердобольная молдаванка, давным-давно перебравшаяся из родной Бессарабии в Одессу, продавала молоко матерям грудничков по символической цене, что спасло не одно детское поколение. Козье молоко было питательным, полезным, но жирным, и плохо усваивалось желудками грудничков, отчего у них возникали сильные колики и газы. Младенцы орала день и ночь, не помогала и укропная водичка – народное средство от колик, проверенное временем, что еще тогда было достать? Но такое питание все равно было лучше, чем хлебный мякиш, размоченный в воде и, как соска, в марле засунутый в рот. Его своим новорожденным давали матери, которым не так повезло в жизни и в районе которых не было козы Машки – всеобщей кормилицы.

А потому приходилось терпеть, ведь козье молоко было единственным способом выжить.

Это было ужасно – делать вид, что ничего не происходит, врать начальству в глаза, которое, в свою очередь, врало следующему высшему начальству о том, что с детской смертностью все нормально, и она идет на спад. Зина знала это как никто другой – всю правду о детской смертности, о нехватке питания, о голоде. Но говорить об этом было нельзя. Темная тень страха запечатывала рот такой печатью, что прочней любых пут. И ей приходилось подбивать цифры в отчетах поликлиники, чтобы строить светлое советское будущее и делать вид, что все хорошо и прекрасно.

Начался прием. Голова у Зины раскалывалась невероятно. Наблюдая за ее страданиями, медсестра сунула ей таблетку пирамидона, которая ей так и не помогла.

Выглядела Зина ужасно. Домой она вернулась под утро. Было уже около шести, ложиться спать смысла не было. Зина вспомнила, что они с Андреем в машине на обратном пути почти не разговаривали. Стало светать. Ей очень хотелось говорить с ним, хоть бы о чем, но он молчал. В кармане ее пальто лежала завернутая в марлю пробирка с темной кровью.

– Когда ты сможешь сделать анализ? – обернулся Андрей к ней, увидев, что до Соборной площади оставалось совсем ничего.

– Сегодня и отдам девочке в лаборатории, как приду на работу.

– Ни слова! Ты меня поняла? Ни единого слова никому, иначе подпишешь нам приговор! – строго произнес он.

«Нам» больно резануло слух, и, замкнувшись в своей тоске о прошлом, Зина ничего ему не ответила.

У себя она разделась, пошла на кухню, поставила чайник. Во всей квартире стояла мертвая тишина, что было немудрено после ночных событий. Зина заварила крепкий чай и вернулась в свою комнату, где, забравшись с ногами на постель и завернувшись в одеяло, принялась пить обжигающую жидкость. Из памяти не шло лицо мальчика. Оно стояло перед ее глазами все время, словно звало к себе. Она никак не могла отделаться от мысли, что если бы у нее был сын, он мог бы быть как раз таким: в этот год ему могло исполниться десять...

Выпив чай, Зина принялась одеваться. Несмотря на то что прием начинался в два часа дня, до обеда она ходила по вызовам, а если их было мало, то заполняла карточки. В этот день ей повезло – было всего два вызова, причем очень легких и недалеко от поликлиники. Заполняя карточку, Зина наделала кучу ошибок – сказывалась бессонная ночь. А голова у нее мучительно разболелась как раз к началу приема.

До этого она успела зайти в лабораторию. Ее приятельница Наташа, с которой Зина поддерживала самые лучшие отношения, как раз была на месте. Глядя в засиженное мухами зер-

кало, она примеряла ярко-синий берет, который нелепо, как тарелка, смотрелся на ее маленькой головке.

– Я похожа на клоуна! – Наташа отшвырнула берет в сторону. – Ты поболтать, или как?

– Или как... – Зина вздохнула. – Не в службу, а в дружбу. Сделаешь кое-что тайком для меня? Очень надо! И без всяких записей.

– Ну давай, – Наташа искоса посмотрела на нее, – опять на морфий проверять будем?

Несколько месяцев назад она сделала тайный анализ для своей подруги, которая заподозрила жениха в пристрастии к наркотикам. Кровь показала, что жених был морфинистом.

– В этот раз все сложнее, – Зина достала пробирку, протянула Наташе, – весь состав! И особенно, если обнаружишь что-то необычное. Пару копеек, как всегда, за мной.

– Ладно, – Наташа взяла пробирку, посмотрела на свет, – странная кровь! Слишком уж темная.

Глава 4

**Было странно сидеть
в полупустом
вагоне трясущегося
трамвая,
прислонившись лбом
к холодному стеклу.**

Только в семь Зина смогла закончить прием. И, обессиленная, плелась по опустевшему коридору поликлиники. Она устала настолько, что даже есть ей не хотелось. Только одна мысль поддерживала ее – о том, что она на трамвае доберется домой, а затем будет горячий чай и постель.

– Зиночка, вы плохо себя чувствуете? – В коридоре она столкнулась со своей коллегой, самым старым врачом в поликлинике. Похоже, не она одна оставалась признаком жизни в этом мавзолее.

– Здравствуйте, Фаина Романовна! Очень... ну да... – улыбнулась Зина. Ей очень нравилась эта женщина, и каждый раз она разговаривала с ней с огромным удовольствием.

Фаине Романовне было почти семьдесят лет. И она была тем, кого называют корифеем старой медицины. Знаменитой одесской плеяде врачей она принесла мировую славу. Фаина Романовна работала во множестве мест, была невероятно одаренным и умным человеком. Но судьба не была к ней благосклонна. Если Зине не дало подняться наверх социальное происхождение, то Фаине Романовне – национальность. Из-за того, что она была еврейкой, Фаину Романовну швыряли по разным местам, не давали подниматься наверх. И для нормального человека было понятно, что большей глупости и несправедливости нельзя было себе представить. Опыт плюс знания, плюс абсолютно золотой мозг – все это сделало Фаину Романовну одним из лучших врачей во всем городе. На прием к ней приезжало множество людей из разных районов и городов. Да, зарабатывала она неплохо, однако официально числилась районным педиатром в поликлинике одного из самых худших районов города и до конца жизни была вынуждена здесь оставаться.

Несмотря на то что Фаина Романовна давно перешагнула пенсионный рубеж, отпускать ее на пенсию никто не собирался. Она была спасением для всей поликлиники – ее настоящим золотым фондом. И все врачи время от времени бежали за консультацией к ней, зная, что она поможет в любой, даже самой страшной ситуации и справится с тяжелой проблемой. Зина и

сама несколько раз консультировалась с Фаиной Романовной, и ей всегда очень помогали эти советы.

Фаина Романовна пристально посмотрела на Зину.

– Деточка, у вас все нормально?

– Устала очень, – улыбнулась Зина. – День был длинный, тяжелый... Грудничковый, ну, вы знаете. К тому же я почти не спала этой ночью...

– Не забивайте свою голову чужими проблемами, – хмыкнула Фаина Романовна, как всегда, она могла угадать все. – Если будете вот так принимать все близко к сердцу, эти чужие дела... вас надолго не хватит.

– Вы правы, – улыбнулась Зина, – но, знаете, я уже приняла. И боюсь, что это без вариантов.

– А вы уже собираетесь домой? Знаете, мне подарили бутылочку отличного молдавского вина! Не хотите посидеть со мной, хотя бы часик? – вдруг улыбнулась Фаина Романовна.

– Ну, – засмеялась Зина, – вы прелесть!

– Ну вот видите, – тоже улыбнулась Фаина Романовна. – Я же вижу по вашему лицу, что вам это... – она подняла палец вверх. – Да, нужно. А мне же все равно спешить некуда. Хоть поболтаем.

Эта чудесная женщина была одинока. Зина не знала, что случилось с ее семьей, и были ли у нее дети. Зину воспитали так, что даже спустя много лет она не могла задавать никаких вопросов – к примеру, о личной жизни, о любовных отношениях, о детях... Похоже она оставалась такая одна, потому что остальные не церемонились.

– А чего у тебя детей нет? А ты замужем? А сколько ты получаешь? А любовник у тебя есть?..

Зина всегда могла выйти из любой неловкой ситуации, сохраняя достоинство. Но как же мучительно это было – улыбаться и вежливо говорить с тем, кому хотелось, несмотря на воспитание, просто дать в морду!

Фаина Романовна была человеком, с которым Зина, как говорится, находилась на одной волне. Поэтому так и повелось, что они общались скорей как подруги, чем как коллеги.

Вино было отменным! Разлив золотистый напиток с восхитительным ароматом по чайным чашкам, Фаина Романовна скомандовала:

– Говори!

– Он появился, – не стала тянуть Зина и вздохнула тяжело.

– Твой бывший муж? – Фаина Романовна строго смотрела на нее. Она знала практически всё о жизни Зины.

– Нет, – махнула рукой Зина. – Ну... бывший жених. Ну, тот, который был в институте. Помните, я рассказывала.

– Помню, – кивнула Фаина Романовна, – но это же было десять лет назад! А десять лет – это не шутка.

– Я знаю! – Зина подняла на нее глаза. – Поэтому я и чувствую себя так. Так...

– Не в своей тарелке? – улыбнулась Фаина Романовна.

– Точно, – снова вздохнула Зина. – И он... Он появился не просто так. Я чувствую, что это не принесет мне ничего хорошего...

– Чего ему надо? – нахмурилась Фаина Романовна. – Он что, хочет снова помириться с тобой? Возобновить ваши отношения?

– Нет! В том-то и дело, что нет! – воскликнула Зина. – И это просто убило меня. Понимаете?

– Понимаю, – кивнула Фаина Романовна. – Понимаю, и лучше, чем ты думаешь. Но это плохо. И ты сама это знаешь. Если он пришел к тебе по какому-то другому вопросу, значит, он хочет тебя просто использовать. Деточка, будь, пожалуйста, осторожней.

– Да я понимаю, – вздохнула Зина, – но беда в том, что я... В общем, я уже согласилась ему помочь, и чувствую, что обратной дороги нет.

– Ну, обратная дорога есть всегда – хмыкнула Фаина Романовна. – Я уже старый человек, и я знаю это. Но ты себя мучаешь. А это плохо. Я же сразу увидела, что ты мучаешься. У него что, есть семья?

– Нет. Он так и не женился... После того, как...

– Все. Я поняла, – перебила Фаина Романовна, прекрасно чувствуя, что Зине мучительно больно закончить фразу.

И все же Зина произнесла:

– Он сделал неплохую карьеру. И знаете, у него есть даже личный автомобиль!

– Ну да, – усмехнулась Фаина Романовна. – В наше время это не просто... Погоди-ка! Ты же говорила, что он психиатр, так?

– В психичке работает здесь, на Слободке-Романовке.

– Тогда это очень плохо! – Фаина Романовна даже по колену прихлопнула. – Плохо! – Ты хоть понимаешь, что это за карьера, и откуда автомобиль?

– Понимаю... – Зина отвела глаза в сторону.

Внезапно Фаина Романовна сменила тон и заговорила очень тихо.

– Ты должна быть очень осторожной! Очень! Ты меня слышишь? – Она крепко сжала руку Зины. – Он может втянуть тебя во... – она попыталась найти слово, – ...что-то, и ты окажешься в опасности! Пообещай мне, что ты будешь очень осторожна!

– Я обещаю, – Зина горько вздохнула и пригубила вино.

И оно почему-то показалось ей терпким.

– Этот год плохой, – сказала Фаина Романовна, увидев ее реакцию. – 1936 – високосный год, начавшийся в среду. Вот увидишь, какие беды нас еще ждут...

Фаина Романовна проводила Зину до остановки трамвая. Ночь стлалась по земле темным покрывалом. Было холодно. В темном безлунном небе плясали яркие звезды. Зине казалось, что они движутся в каком-то необыкновенном танце, пытаясь сообщить ей что-то очень важное. Но что это за танец, она не могла ни понять, ни объяснить. После разговора с Фаиной Романовной было странно сидеть в полупустом трясущемся вагоне трамвая, прислонившись лбом к холодному стеклу. Оно потело от ее дыхания, покрываясь капельками влаги, стекающей вниз, как слезы. Непролитые слезы, не видные никому...

Зина не могла и себе ответить на вопрос, который ей задала Фаина Романовна, когда они уже ждали трамвая.

– Что ты собираешься делать дальше? – спросила она с улыбкой в глазах.

– Ничего, – растерялась Зина, – я... не знаю.

– В глубине души знаешь, – вздохнула Фаина Романовна, а потом вдруг бусинки улыбки исчезли из ее голоса, и он стал серьезным: – Только помни на будущее. Люди ведь не меняются. Тот, кто предал тебя однажды, обязательно предаст и во второй раз.

– Я его не звала! – воскликнула Зина. Она вдруг разозлилась на эту ночь, на себя саму, на пронизательность старшей коллеги, на выпитое вино, на свой болтливый язык...

– А это иногда и не нужно. – Фаина Романовна повернулась к ней спиной. – Так бывает в жизни. Мужчины всегда возвращаются. – Зина услышала ее горький смешок. – Это правило. Но только кому это надо – кроме тебя самой, никто не может понять. – Эти слова звучали уже совсем издали.

Почти засыпая в полупустом трамвае, Зина думала только о том, почему это странное возвращение в виде просьбы о помощи, причем на самом профессиональном уровне, вызвало в ней такой всплеск эмоций! И почему вместо того, чтобы думать о болезни мальчика, она думает о другом.

Было уже достаточно поздно, когда Зина наконец подошла к своему подъезду, тускло освещаемому почти мертвой лампочкой. Она очень устала, от всего происшедшего у нее буквально подкашивались ноги, и медленно, как старуха, Зина стала взбираться на нужный этаж.

Утешиться можно было одним: никаких машин возле дома не было. Она посмотрела сразу – в небольшом переулке между собором и домом автомобилей нет. Зина с облегчением вздохнула: на машины у нее уже выработался тревожный рефлекс.

В этой большой квартире не спали. За одной из дверей был слышен шум – похоже, соседи, как всегда, ругались. Эта скандальная парочка вечно ссорилась, и вечера не проходило без их криков за стенкой.

В кухне горел свет, там тоже слышались голоса, похоже, нескольких человек. Донесся отвратительный запах папирос. Зине никого не хотелось видеть. От одной только мысли о еде ее затошнило. Стараясь двигаться бесшумно, Зина кралась по коридору к дверям своей комнаты.

Она вынула из сумочки ключ... Но что это? Дверь ее комнаты была приоткрыта! Зина похолодела: она прекрасно помнила, что перед уходом заперла дверь на замок. Что произошло?

Ледяные струйки пота потекли вдоль спины... Захотелось бежать, но бежать было некуда. Сбравшись с силами, Зина толкнула злополучную дверь...

В комнате был страшный разгром. Даже тусклый фонарь за окном мог осветить то, чем стала комната Зины. Уютное жилье превратили в чудовищный хаос.

Первым порывом Зины было кричать, звать на помощь. Но, секунду подумав, она быстро подавила в себе это чувство... Решительно шагнув в комнату, Зина щелкнула выключателем и захлопнула за собой дверь.

Яркая люстра осветила страшную картину. Казалось, по комнате пронесся ураган, злобный смерч сокрушительной силы. Все вещи были выброшены на пол из шкафов, кровать отодвинута от стены и перевернута на бок, матрас валялся в щели между кроватью и шкафом...

Стол, накрытый парчовой скатертью с кистями, стоящий посередине, был сдвинут к стене. Дорогушая скатерть скомкана, как половая тряпка... Ваза из хрусталя, любимая ваза ее мамы, всегда стоящая на столе, лежала на полу.

Вся одежда Зины и постельное белье были выворочены на пол, скомканы и свалены как попало, устилая пол каким-то страшным пестрым ковром. Из серванта была вынута вся посуда.

Каким-то ускользающим краем разума Зина отметила, что из посуды ничего не разбили. Тарелки, кастрюли, чашки из сервиза просто вынули и поставили на пол. Ей подумалось, так же внезапно: сколько же времени понадобилось, чтобы вынуть всю посуду из старинного серванта? Похоже, здесь орудовали целый день. А почему же соседи не поинтересовались, откуда шум, не подняли тревогу? Впрочем, эта наивная мысль тут же вылетела из ее головы. Понятно: времена были такие, что даже на самые громкие крики и шум, доносящиеся из чужой комнаты, никто бы и носа не высунул! Атмосфера страха защищала тех, кто проник в ее комнату, прочной броней. И под этой броней можно было сделать все, что угодно.

Но хуже всего обстояло дело с книгами. Их вынули из шкафа и бросили беспорядочно. Они так и лежали – раскрытые, развернутые, сваленные в кучу...

Похоже, целью тех, кто проник в комнату к Зине, все же был обыск, а не погром. На первый взгляд, ничего испорчено не было, оставили только беспорядок. Но что же могли у нее искать? По всей видимости, какую-то совсем мелкую вещь, если уж даже раскрывали все книги. Но что? Что?

Внезапно она увидела, что возле окна, под покрывалом, сброшенным с ее кровати, лежит что-то большое.

Зина пошла к окну, чтобы посмотреть, что же там прячется под покрывалом, как вдруг остановилась. Взгляд ее упал на стену над кроватью. На обоях отчетливо светлело пятно. На месте старинной иконы в поцарапанной и немного погнутой серебряной раме – очень древней, потемневшей от времени – было пустое место. Эта икона висела здесь еще со времен ее детства, Зина очень хорошо ее помнила.

Она знала историю о том, что бабушка – мама ее мамы – привезла эту икону из какого-то далекого монастыря. Но было это настолько отдаленно во времени, что основные детали рассказа стерлись в памяти Зины под грузом более свежих и важных событий.

Она помнила только название этой иконы – «Всевидящее око» – и странную форму расположения изображенных на ней лиц – словно в треугольнике. Да и название запомнила только потому, что оно показалось ей каким-то очень необычным и красивым. Само же изображение ее завораживало: Зина могла долго смотреть на острые углы воображаемого треугольника и расположенные в центре лица.

А еще она помнила, как поцарапала раму иконы – когда-то давно та упала со стены и завалялась под кровать. Зина пыталась достать ее... ножницами, но только поцарапала и погнула раму, на ней даже остались несколько надразов.

Как и многие другие люди, выросшие в смутные времена, пережившие голод, войны и крушение империй, Зина не была религиозна. Ад прошлого выжег из ее памяти отдаленные воспоминания детства о церквях и молитвах. А собор напротив окон воспринимался скорее как старинная крепость, а не как церковь.

Как и многие, пережившие страдания, видевшие своими глазами смерть, войны, хаос, отчаяние, голод, пострадавшие от смутных времен, потерявшие всех родных, Зина была твердо уверена в том, что душа ее настолько закрыта для Бога, что об этом даже нечего думать. Тем более, ей никто не помогал – у нее не было никого, кроме нее самой. Ужас выживания в разрухе закалил ее волю и очерствил ее, вместо уязвимой хрупкости нежной женской души оставив заскорузлые шрамы. И если она и не сняла икону со стены, то только по причине памяти о навсегда ушедших родных.

И вот теперь икона покинула ее дом – странно, путем какого-то непонятого воровства... Почему из ее дома унесли только этот предмет? Думать об этом было страшно, и потому Зина заставила себя переключиться на другое. Подойдя к окну, она наклонилась и подняла покрывало.

Все, что Зина пережила до того, было пустяком по сравнению с тем, что произошло теперь! Под покрывалом лежало тело молодой светловолосой женщины в красном платье. Она была мертва.

Опершись на стену возле окна, Зина постаралась не потерять сознание. Ей казалось, что она спит и видит жуткий, ну просто самый кошмарный из всех снов! Но это был не сон. Она не спала, не умерла и не попала в ад. В ее комнате под окном действительно лежал труп молодой женщины, которую она не видела никогда в жизни.

Прижав руку ко рту, чтобы не закричать, Зина подошла ближе. Всю ее колотила дрожь. Она нагнулась, пытаясь осмотреть тело.

Судя по его температуре и уже пробивающемуся запаху, женщина была мертва часов уже двадцать, не меньше. Она была совсем молодая, не старше тридцати лет. Полноватая, широкого, крепкого сложения и среднего роста. Широкая крестьянская кость. Лицо крупное, с широкими скулами. Губы узкие. Глаза закрыты. Короткая стрижка. Волосы обесцвечены пер- гидролем.

На ней было красное платье с пуговицами на груди, с поясом, похоже, из тех, что продавались в магазинах готовой одежды – дешевое и не очень модное. Просто добротное платье на каждый день. Туфель на ее ногах не было.

Преодолевая дрожь, Зина взяла ее за руку. Ногти коротко обрезаются, без признаков лака. На ногтях пальцев ног лака тоже нет.

Под левой грудью женщины платье было разорвано. Зина расстегнула пуговицы на груди. Под платьем оказалась комбинация телесного цвета. На ней расплывалось небольшое кровавое пятно. Зина отогнула край белья. Под левой грудью, как раз под чашкой телесного бюстгалтера, находилась рана, по всей видимости, нанесенная длинным узким ножом – отверстие было небольшим.

Женщина была убита ударом прямым в сердце. Такую рану мог нанести только профессионал – медик или убийца, владеющий знаниями анатомии. Крови почти не было, буквально несколько капель. А смерть от такой раны наступала мгновенно и точно. При этом лицо жертвы оказывалось не изуродованным, но вполне годным для опознания.

Зина нахмурилась, затем еще раз внимательно осмотрела платье. На комбинации и на бюстгалтере была кровь! А вот под платьем была подкладка серого цвета – и на ней крови не было. А между тем разрез на платье был! Она принялась ощупывать рану пальцами.

Платье было разрезано, а вот подкладка платья – нет. Это означало, что когда женщину убили, она была только в белье. Платье на нее надели уже после смерти. Но, чтобы сохранить видимость, что женщину убили одетой, надрезали ткань на груди.

Зачем? Скрыть, что в момент убийства она была у мужчины, у любовника, перед которым вполне могла быть раздета? И кто же эта несчастная, лицо которой Зина так и не могла вспомнить, как ни пыталась.

Карманов на платье женщины не было. Зина принялась ворошить вещи на полу, заглядывать во все щели и углы, пытаясь найти сумочку или предметы, которые могли принадлежать этой женщине. Ничего подобного в комнате не было. Но, тем не менее, убитую женщину подложили в комнату именно к ней. Да еще и завернули в покрывало с кровати.

Зачем? Кто мог это сделать? Зина опустилась на пол и закрыла лицо руками. Что делать? Звать милицию? Ну так скажут, что женщину убила она. Дескать, поссорились, и Зина заколола ее во время ссоры ножом. И совсем не важно, что она не знакома с ней и не знает о ней ничего, даже имени!

Ситуация казалась катастрофической, безвыходной. Зина поняла, что самой ей не справиться, и необходимо все же позвать на помощь – хоть кого-нибудь, хоть тетю Валу. Внезапно за спиной скрипнула половица...

Зина поднялась на ноги, не сводя глаз с убитой. В тот же самый момент сильные руки обхватили ее сзади, а к лицу прижали плотную ткань. Сладковатая волна взрывом ударила в ее мозг. И, пытаясь спастись от этого наваждения, она стала стремительно падать в черную бездну, которая, как спираль, все кружилась и кружилась перед ней...

Зина пришла в себя от дикого холода и от боли, сковавшей все ее тело. Открыла глаза. Она лежала на полу, на боку, в очень неудобной позе, на том самом месте, где был труп.

Кое-как Зина попыталась сесть. Удалось ей это с трудом – тело болело так, как будто ее избивали палками. Глаза были воспалены, словно в них засыпали раскаленный песок. Голова болела и немного кружилась. К тому же ее сильно тошнило от сладковатого запаха, который до сих пор отчетливо чувствовался в ноздрях и во рту. Как врач, она поняла, что это хлороформ.

Трупа... не было. Мысль о мертвой женщине заставила Зину вскочить на ноги. В комнате по-прежнему царил разгром, все точно так же, как было, когда она вошла. Но трупа не было. Кроме иконы со стены исчезло и покрывало с кровати, в которое труп был завернут.

Зина могла бы подумать, что все это привиделось ей, было пьяным кошмаром, галлюцинациями, бредом, если бы не отсутствие иконы и покрывала. Их пропажа придавала реальность

всему происходящему. К тому же тот, кто забрал труп, потушил люстру. Это уже выглядело как насмешка. Зина отчетливо помнила, как щелкнула выключателем, как комнату залил ослепляющий электрический свет. Но тогда была ночь. Сейчас же за окном стоял день.

Она посмотрела на наручные часики – девять часов утра. Пять минут десятого, если быть точной. Она опоздала на работу. Катастрофа продолжалась.

Кое-как переодевшись в халат, Зина умылась холодной водой и залпом выпила два стакана воды. Тошнота уменьшилась. И тут она вспомнила о соседке с верхнего этажа, у которой был личный телефон, поскольку та была вдовой очень титулованного большевика. За умеренную плату она позволяла звонить.

Через десять минут Зина уже звонила в поликлинику. Сказала, что у нее сильно поднялась температура и она просто не в состоянии прийти на работу. Ей велели вызвать врача, иначе с завтрашнего дня засчитают прогул. Зина пообещала, что день отлежится, а завтра точно придет.

Вернувшись к себе, она принялась за уборку. Это было ужасно – собирать все то, что вывалили из шкафов! Прошел не один час, пока комната не приобрела прежнее приличное состояние. Буквально падая от усталости, Зина с трудом оделась и вышла из дома.

Глава 5

Она быстро спускалась вниз по Дерибасовской, к последнему дому на улице, откуда со склонов было отчетливо видно море. Андрей Угаров жил в самом начале знаменитой улицы – Дерибасовская, 1. Старый дом с двором, мощенным старинными плитами, и со множеством огромных коммунальных квартир. Сколько часов Зина провела в его комнате!

Тогда еще были живы его родители. Окна их комнат выходили во двор, а вот его окно, единственное во всей коммуналке, выходило на улицу. Сколько же раз они пользовались таким счастливым обстоятельством, пробираясь внутрь тайком, боясь дышать, чтоб не скрипнули половицы, чтоб не нарушить хрупкий сон прочих, старших обитателей квартиры, давным-давно забывших, что такое сумасшедшая юношеская любовь.

Вот наконец Зина и произнесла про себя это слово, спускаясь вниз по улице, стараясь двигаться как можно быстрее, что было нелегко. Но для того, чтобы назвать вещи своими именами, ей понадобилось почти десять лет.

Близко от дома Андрея располагалась «Лестница мертвых» – одно из самых примечательных и мрачных мест Одессы. По легенде, когда-то давно внизу на ступенях лестницы стали находить мужские трупы. Это были тела исчезнувших из порта моряков со стоящих на рейде судов.

У всех у них было перерезано горло. На всех отсутствовала одежда. Голые трупы находили со странной периодичностью. Крови на ступеньках не было, это означало, что убили их в другом месте, а затем подбросили сюда.

В городе началась паника. Шепотом передавались самые фантастические подробности. Постепенно история обрастала невероятными слухами, разобраться в которых было достаточно сложно.

Сама лестница с мрачными, темными ступеньками, поросшими мхом, петляла вдоль каменной стены склона, к которому лепились жилые дома. И многие окна хибар выходили сюда.

Трупы находили долго, а результаты полицейского расследования не давали никаких результатов. Но однажды подгулявшая компания, заплутавшая в лабиринтах порта, обнаружила у самого подножия лестницы молоденького матроса, который был еще жив.

Парень, похоже, родился под счастливой звездой. В компании оказался талантливый врач, которому удалось остановить продолжающееся кровотечение. Матроса доставили в больницу, где прооперировали, и он остался жив.

В полиции очень долго ждали, когда здоровье к несчастному вернется настолько, что он сможет дать показания. Наконец он заговорил и выдал знаменитого убийцу с «Лестницы мертвых».

Убийцей оказалась... женщина, старая проститутка, всю жизнь проработавшая в порту. Что-то повредилось в ее голове до такой степени, что она возненавидела всех клиентов и решила их убивать.

Она была еще привлекательна внешне, а потому продолжала интересовать мужчин. Приводя клиентов к себе, убийца занималась с ними сексом, а потом, в самый, так сказать, патетический момент, перерезала им горло острым кухонным ножом.

Окошко ее грязной каморки, которую она снимала в жуткой припортовой конуре, выходило как раз на «Лестницу мертвых». И убийца, не церемонясь, выбрасывала трупы напрямик туда. Скатившись по ступенькам, они оставались внизу. Все было достаточно просто. И как раз из-за того, что все было так просто, долгое время ее не могли поймать.

И вот эту историю Андрей Угаров рассказал на занятиях по истории, где они делали практическую работу по краеведению! Зина до сих пор помнит, какой разразился скандал. Преподавательницу чуть удар не хватил еще в самом начале рассказа! Но Андрею каким-то чудом удалось дорассказать до конца.

В слезах и соплях старушка преподавательница побежала к декану, а студенты хлопали и улюлюкали от восторга. По тем временам рассказать нечто подобное в институте было невероятной смелостью.

«Проститутка», «серийные убийства», «секс» – все эти слова были запрещены в лексиконе студентов, и на них было наложено жестокое и веское табу. Чтобы нарушить его, необходима была отчаянная дерзость! И Угаров как раз обладал такой дерзостью. Зина поймала себя на мысли, что чуть было не сказала про себя «мой Андрей».

Он действительно был смелым, Андрей Угаров, тот Андрей, которого она никогда больше не называла своим.

Жалобы преподавательницы возымели действие, в аудиторию влетел красный декан, и начался скандал. За такое Андрея едва не выгнали из института.

Его честили на всех собраниях за антисоветскую пропаганду и моральное разложение, вместе с родителями вызвали к ректору, где Андрей достаточно резко заявил, что не проследивает абсолютно никакой связи между антисоветской пропагандой, подрывом устоев советского общества и старинной одесской легендой из разряда страшилок. После беседы у ректора Угарова вызвали на допрос в НКВД.

А потом скандал как-то сам собой стих, и все прекратилось, как по мановению волшебной палочки. Но за Андреем закрепилась прочная репутация героя, и он немало гордился этим.

Их первый поцелуй был как раз на «Лестнице мертвых». Настояла на этом Зина, ей захотелось, чтобы он показал ей те самые знаменитые места. Они спускались вниз по плохо различимым в темноте ступенькам, а потом постепенно страх перешел в страсть, и эта горячая смесь подняла их над всем миром и очень долго держала на облаках. До тех пор, пока эти облака не пролились на землю кислотным дождем, который навсегда выжиг прошлое Зины и остатки ее жизни.

Именно потому, что не все тогда в ее душе умерло под кислотным дождем, Зина согласилась помогать Андрею спустя десять лет.

Наконец показался нужный ей дом. Все это время она очень мало знала о его жизни. Обрывочные сведения поступали от общих знакомых, в основном, от однокурсников по институту. Впрочем, Андрей всегда был необщительным человеком и мало с кем дружил.

Родители его умерли, и он один обосновался в трех комнатах огромной коммунальной квартиры. Из-за этого Угаров страшно ругался с соседями и с управдомом, которые тщетно пытались отобрать у него хотя бы одну комнату и кого-то вселить. Но у Андрея появились мощные связи, и его оставили в покое. А потому он жил так, как и раньше.

Он так и не женился. Конечно, время от времени в его жизни появлялись различные женщины, но ни на одной из них он не был женат. Больше Зина ничего о нем не знала.

Она быстро прошла через двор, где рыжая толстая вислоухая собака грелась на мартовском солнышке, лежа на плитах, под серьезным наблюдением двух черных котов, которые не спускали с нее глаз, сидя поблизости. Картинка, типичная для одесского двора.

Зина быстро нашла нужный подъезд – как оказалось, все эти десять лет он не выходил из ее памяти, – свернула налево, почти под лестницу, и остановилась перед огромной резной дверью, возле которой было девять звонков.

Решение идти к Андрею и требовать объяснений было самым первым, что пришло Зине в голову после того, как она очнулась. К тому же, подсказывало ехидное, черное злорадство, которое всегда присутствует внутри каждого человека и время от времени появляется на поверхность в самый неподходящий момент, Угаров является опытным психиатром и быстро определит, если она сошла с ума. Ведь все это напоминало настоящее безумие: страшный пациент, разгром ее комнаты, труп неизвестной женщины, умершей от ножевого ранения. Может, всего этого нет, и она просто больна?

Среди девяти звонков Зина увидела табличку «Угаровы – К. И. и С. Ф.» и решительно нажала на кнопку. Константин Иванович и Софья Филипповна – так звали покойных родителей Андрея. Было примечательно то, что он так и не сменил табличку.

Нажала еще раз – никто не ответил. Попыталась снова – тишина. Зина решительно стукнула кулаком в дверь, игнорируя звонки. В этот раз она открылась. На пороге стоял босяцкого вида детина лет тридцати, в каких-то немислимых штанах, с папиросой, свисающей из уголка наглого рта, и с наколками на все плечо.

– Тебе чего? – с интересом уставился он на нее.

– Мне нужен Андрей Угаров, – не растерялась Зина, – я звоню, не отвечает никто.

– Щас, постой, – хмыкнул детина, – я кореша его позову, а то я не при делах.

И ушел, захлопнув дверь. Прошло минут десять, прежде чем ей открыли снова. На пороге стоял пожилой мужчина в очках. Зина повторила, к кому пришла. Мужчина поджал губы и вздохнул:

– Простите, а вы кто ему будете?

– Знакомая, – она не сильно и покривила душой, – мы встречались, и... В общем, я хотела узнать, все ли с ним в порядке.

– Нет, не все, – мужчина внимательно уставился на нее и заговорщически понизил голос: – Раз вы его знакомая, так и быть, скажу... Дело в том, что Андрей пропал.

– Что вы сказали? – в ужасе Зина отступила на шаг.

– То, что вы слышали! Он не вернулся домой ночевать. Вот уже третьи сутки, как его нет. А дежурство в больнице давно закончилось.

– Но, может, он задержался на работе...

– Нет. Я звонил туда вчера. Волновался очень. Андрей вообще не приходил в больницу! Его там столько же времени не видели.

– Когда он ушел из квартиры? – Руки у Зины начались трястись.

Сосед назвал дату за день до того, как Андрей пришел к ней.

– Вы уверены, что он не появлялся в больнице? – ей стало страшно.

– Ну, так сказали. Зачем им врать?

«Мало ли зачем!» – хотелось закричать ей, но вместо этого она сказала:

– Вы можете впустить меня в его комнату?

– Да вы что, в самом деле? – скривился сосед. – Андрей вернется, что я ему скажу? К тому же, у меня и ключа нет.

– Я знаю, где запасной. – Зина действительно знала это и была твердо уверена, судя по табличке, что Андрей не изменил своим привычкам.

– Я вас впервые в жизни вижу! Откуда я знаю, кто вы такая?

– Близкий ему человек! Вы же поймете это, увидев, как я найду ключ!

– Ну, я не знаю...

К счастью, только несколько дней назад Зина получила зарплату, и у нее были с собой деньги. Она протянула купюру соседу. Тот быстро ее схватил.

– Ладно. Только мигом. Пока никто не увидел!

Зина решительно направилась к двери комнаты Андрея – последней в этом коридоре. В коммуналке ничего не изменилось, только коридор стал еще более захлавленным, чем прежде. Она отогнула половицу под дверью – ключ действительно был там. Отец Андрея был очень рассеянным, и все время терял ключи, поэтому для него и придумали этот тайник.

Сосед пожал плечами и ушел. Зина открыла дверь ключом и вошла в комнату Андрея.

Первым, что бросалось в глаза, был идеальный порядок. Угаров всегда был помешан на чистоте. Ни пылинки, ни соринки, ни небрежно брошенной вещи... Квартира его всегда напоминала мавзолей. Так же чисто, ухоженно, стерильно, торжественно – и абсолютно бездушно! Так Зине всегда казалось, но это мнение она держала при себе.

К горлу подступил горький комок. Сколько связано было с этой комнатой! Сколько минут и долгих часов! Ей почудилось, что она попала в какую-то временную дыру, таким странным образом переместившись в свое прошлое. В прошлое, которое она так хотела забыть.

Но времени у нее было мало, Зина помнила об этом. А значит, нельзя было предаваться воспоминаниям. Стараясь двигаться как можно быстрее, она пошла напрямик в его комнату.

Во втором ящике письменного стола, за перегородкой между стенками ящика и основания стола был тайник, который он показал еще в студенческие годы. Угаров был консервативен до неприличия, и Зина уже поняла, что он абсолютно не умел менять свои привычки – так же, как и свои взгляды. Поэтому она не сомневалась, что тайник существует и сейчас.

Крошечный зажим сбоку открывался с помощью простого карандаша. Найти карандаш на письменном столе не составляло никакого труда. Выстроенные в ряд, остро заточенные, абсолютно одинаковые по размеру, простые графитовые карандаши стояли в предназначенном для них стаканчике. И в этой детали была отчетливо видна личность человека, чей педантизм часто, с точки зрения Зины, граничил с безумием.

Он бы вытащил обязательно крайний слева карандаш. Она же схватила первый, который попался под руку. Засунула в щель. Раздался щелчок. Острый кончик сломался. Пальцами, аккуратно, Зина отделила деревянную пластинку и достала тонкий прямоугольный ящичек, достаточно плоский, чтобы помещаться в таком месте. Это и был его тайник.

Первым на руку выпал ключ. Это был универсальный ключ от больницы, открывающий все двери. Она узнала его сразу, потому что Андрей заставил ее запомнить. Бесценная находка! Значит, дома он хранил дубликат, запасной ключ, близнец того, который всегда находился в больнице. Зина быстро спрятала его в сумку.

Но это было еще не все. На ладонь ей выпало несколько бумажных банкнот явно иностранного происхождения. С них на Зину смотрел строгий женский портрет с покрытой головой. Лицо женщины было тонким и печальным. Она никогда не видела ничего подобного на деньгах! Портрет женщины? Такой красивой и печальной! Иностраннный язык. Вот в чем Зина никогда не была сильна, так это в иностранных языках. Непонятные слова просто не лезли

ей в голову – точно так же, как и чужие буквы. И теперь с недоумением она уставилась на латинские литеры, гадая, что это за язык – английский, французский, немецкий, итальянский, испанский? Для нее все это было едино!

Следующей отличительной чертой была цифра 100, выписанная жирным шрифтом совсем рядом с тонким лицом женщины. Банкнота номиналом в 100 – чего? Опять – китайская грамота! В тайнике было 4 купюры. 400 – чего-то. Не долго думая, Зина забрала одну банкноту и тоже засунула себе в сумочку. Больше в тайнике ничего не было.

Прикрепить все обратно было плевым делом. Где еще могло храниться что-то, что могло ее интересовать?

В голову проникла неприятная мысль о том, что она ничего не знает о его новой жизни. Иностранная валюта в тайнике была плохим признаком. Узнать бы еще, что это за страна! Но и без этого Зина чувствовала, что за десять лет отсутствия их общения Угаров явно вляпался во что-то серьезное. А это уже было совсем не хорошо.

Комната родителей! Мысль обожгла ее мозг, как молния! И, не долго думая, Зина прошла туда.

Там все было точно так же, как и десять лет назад – практически без изменений. Впрочем, она была в этой комнате только однажды, тогда, когда официально, чтобы представить ее родителям, Угаров ввел ее в свой дом. Нельзя было забыть такой момент. И Зина не забыла. Тогда каждая деталь буквально врезалась в ее память. И вот теперь она узнавала их вновь.

Старинные кресла возле кровати, один напротив другого. Книжный шкаф. Платяной шкаф. Трюмо. Стол у стены, покрытый камчатой скатертью. На столе – серебряное блюдо. Старинная работа, антиквариат. Все, как и тогда. Она сидела за этим столом, сжавшись на стуле, боясь лишний раз пошевелиться. И, как черепашка, поджимала под себя ноги. Съежившись под тяжелым, пронизательным взглядом отца Андрея и откровенно неприязненным – его матери, которая была с ней абсолютно холодна, так, как может быть холодна только глыба застывшего льда.

Отрываясь от мрачных мыслей, Зина вдруг вздрогнула, разглядев в общей панораме комнаты странную деталь. На окне что-то лежало, завернутое в черную тряпку. В этой комнате, так же, как и во всех остальных, на подоконниках не было цветов. Андрей их не любил, считая, что они разводят только грязь, а толку от них никакого. Подоконники были белоснежны и пусты – как в настоящей больнице. И вдруг – на одном из них что-то лежало!

Это было настолько не похоже на Угарова, что Зина просто не смогла пересилить свое любопытство. Создавалось впечатление, что эту вещь положил вообще не он. Зина быстро подошла к окну, сняла черную тряпку и... застыла на месте. Под тряпкой была ее собственная икона. Икона «Всевидящее око» из ее квартиры!

Не было никаких сомнений – это была именно она. Зина узнавала потускневшие краски, треугольную форму изображения, глаз посередине. Но самым главным признаком была поцарапанная серебряная рамка, на которой оставалось несколько следов от ножниц! Она помнила, как доставала икону из-под кровати ножницами в далеком детстве. В том детстве, которое ушло от нее, как сон.

Но сейчас оно вернулось. Вернулось знаком, возможно, даже предостережением, содержащимся в той головоломке, которую Зина пока не могла объяснить!

Это было настоящей мистикой! Украденная икона снова вернулась к ней, прямым в ее руки – причем самым неожиданным образом! Неужели Андрей залез в ее дом? В любом случае, он был явно причастен к этому – икона это доказывала. Понимая, что думать об этой загадке придется долго и упорно, Зина спрятала икону в свою сумку. Она не собиралась оставлять ее здесь. А черную тряпку положила назад на подоконник. Прикоснуться к ней ей почему-то было противно.

Вдруг в дверь постучали.

– Долго вы там? – раздался нервный голос соседа. – Скоро люди в квартире соберутся!

– Уже иду, – Зина быстро закрыла сумку и вышла в коридор. Под пристальным взглядом соседа заперла дверь, спрятала ключ обратно под половицу и поспешила прочь.

Путь ее лежал к «Лестнице мертвых». Задержавшись в квартире дольше, чем хотела, Зина не рассчитала время. Уже начинало темнеть. Было неприятно идти по узким ступенькам, покрытым выступившей за ночь изморозью.

Внезапно за ее спиной послышались шаги. Сердце Зины кольнуло и рухнуло вниз со стремительной скоростью – так, что у нее даже сперло дыхание! Она остановилась, почти вжавшись в выщербленную каменную стену, намереваясь пропустить прохожего, который шел за ней. Шаги затихли. Зина обернулась. На лестнице за ней никого не было. Ей стало очень страшно.

Она поняла, что все воспоминания, игры закончились. Детские игры в прошлое и тайники, труп в ее квартире, икона и иностранные деньги... Теперь вот шаги на лестнице. Это больше не было увлекательной игрой! Набравшись мужества, Зина снова пошла вниз. Шаги возобновились. Она внезапно резко обернулась и в этот раз сумела разглядеть силуэт мужчины в темном пальто, метнувшегося к проему стены. К удивлению, у нее немного отлегло от сердца! За ней следили. И был это живой человек. Значит, никаких призраков, нечисти и злых духов! Она имела дело с реальными людьми. И эти люди почему-то устроили слежку за ней!

Набрав побольше воздуха в легкие, Зина ринулась по лестнице вниз, стараясь бежать как можно быстрее. И так же быстро она помчалась по направлению к Таможенной площади возле порта. Там находился маленький антикварный магазин. К счастью, он был еще открыт.

Лысый старичок в очках улыбнулся при появлении Зины. Он ее знал, она часто заходила к нему.

– Вы не можете мне? Что это за деньги, – Зина сразу протянула ему банкноту, – какой страны?

– О, интересно! – взяв банкноту, старичок изучил ее через лупу. – Это немецкие деньги. Рейхсмарка. О, размер 180 на 90 мм. Изображен портрет английской дамы, между прочим, по мотивам картины Ганса Гольбейна Младшего. Посмотрите – женский портрет и цифра 100. Ну что еще? Выпущена в обращение 11 октября 1924 года. Я вам скажу, немалая сумма! 100 рейхсмарок! Ой, сейчас в Германии перемены. Говорят, до власти пришел какой-то Гитлер. Не слышали за него? Шо то говорят за него, как за самого настоящего клоуна!..

Глава 6

Трубку сняли не сразу. Переминаясь с ноги на ногу, Зина жалась в прихожей соседки сверху, чувствуя себя страшно неуютно в чужой квартире. Сначала соседка вовсе не хотела пускать ее позвонить, буркнув что-то вроде «свой телефон заводить надо». Но затем все-таки впустила, взяв предложенные ей деньги. Было мерзко. Но другого выхода у Зины не было.

– Добрый день. Андрея Константиновича можно к телефону попросить?

– Угарова? – удивленно переспросил девичий голос. – Сейчас узнаю, минуточку.

Было слышно, как она положила трубку, стукнула дверь. Минут через пять ответил пожилой мужской голос.

– Кто его спрашивает?

– Его коллега из Еврейской больницы. Мы договаривались о консультации для моего пациента, – быстро сориентировалась Зина.

– Андрей Константинович на больничном. Он болен и сейчас находится дома. В ближайшую неделю его не будет.

– Простите... Откуда вы знаете?

– Что? Странный вопрос. Он сам позвонил.

– Сам позвонил?

– Конечно.

– И сказал, что будет находиться дома? Вы узнали его голос?

– Простите, а как ваша фамилия? Представьтесь, пожалуйста, чтобы я ему передал, кто звонил.

Зина повесила трубку. Одно из двух: либо Андрей звонил, либо нет. Ясно одно: на работу он не приходил. Утверждение соседа о том, что Угаров пошел на работу и не вернулся, было ошибочным. Он не дошел до работы! Исчез по дороге к больнице. И кто-то позвонил сообщить, что он заболел и не придет. Понятное дело, что в больнице не беспокоились. Но что же произошло на самом деле? – Тысячи вопросов кружились в голове у Зины. Но ответов не было.

На самом деле Андрей мог никуда не исчезать. Непредсказуемость – в этом был весь он. Непредсказуемость и совсем неожиданные поступки.

...Кафе на Дерибасовской. Отстраненные до холода глаза и при этом горячие слова...

– Неужели ты этого не понимаешь! Я не могу заводить сейчас семью! Семья, быт погубят все то, к чему я столько стремился! Неужели ты этого действительно не понимаешь?

А вверху над ними деревья шуршат зеленой, еще сочной листвой в такт этим словам: «Неужели ты этого не понимаешь?!»...

– Сейчас время новых возможностей, новых свершений! Открытий! Посмотри, куда движется мир! Мы строим новое общество! Посмотри, какими темпами движется пятилетка! А ты говоришь мне о какой-то семье? Быт убьет все. А я хочу, чтобы обо мне помнили после смерти. Ты помнишь, мы с тобой читали книжку о Моцарте? Помнишь, как он сказал? Кто будет помнить придворного органиста из Зальцбурга? Так и я тебе скажу! Кто будет помнить женатого врача из районной больницы? Семья – это дети, пеленки, грязные кастрюли, жизнь закончена! Будет уже не до открытий! Я люблю тебя, это правда. Но не до такой степени, чтобы разрушить свою жизнь! Отказываться от великих свершений я не хочу!

А деревья словно издевались над ней, шурша сочной весенней листвой: «Не хочу, не хочу, не хочу...». Принесли мороженое в запотевших вазочках. Вдоль металлических серебряных граней стекали вниз капли влаги. Шарик были белыми. Три белоснежных шарика с сиропом посередине.

– Ешь... Мороженое растает... Если ты не хочешь, я съем твою порцию. О чем я тебе говорил? Я не хочу серьезных отношений. Конечно, я понимаю свою ответственность, ты надеялась, и все такое... Но я вижу себя в научных исследованиях, в экспериментах, которые перевернут всю науку, а не с грязными кастрюлями на кухне. Ты-то как раз должна это понять! Разве ты не хочешь совершить переворот в медицине? Ты же лучшая студентка на курсе! Зачем тебе семья?..

Они собирались подать заявление в районный загс и договорились встретиться в десять утра возле ее дома. Мама погладила ее лучшее платье – из зеленого шелка в горошек. Удивительно нарядное, с белым бантиком, платье спускалось волнами к ее стройным ногам. Какой же красивой и счастливой она была в то утро! Волосы, глаза, губы – все искрилось, светилось, переливалось слепящим, сияющим, почти божественным счастьем, наполняя ее душу новой, почти невиданной силой! И от этой красоты, от этого восторга расцветала она сама!

Даже соседи по коммунальной квартире поздравили ее почти искренне: «Сразу видно, что выходишь замуж». И ей почему-то казалось, что если бы был поздний вечер, она светилась бы так, что не нужно было бы зажигать свет.

Удивительное счастье, похожее на драгоценные камни, было в ее душе, переливалось радугой от мельчайших прикосновений в мыслях. И все было так прекрасно, что впервые в жизни ей хотелось петь!

Ровно в десять утра, нарядная и ослепительно красивая, Зина стояла возле своего дома, в условленном месте, и все ждала, когда подойдет он – с огромным букетом цветов. Вообще-то он редко дарил ей цветы, считая это мещанством и пережитком прошлого. Но, как и все девушки мира, Зина надеялась, что в это утро Андрей обязательно подарит ей цветы – в то утро, когда по-настоящему решается их совместная жизнь.

Угаров не пришел. Ни в десять, ни в одиннадцать, ни в двенадцать... Когда, в диком отчаянии, Зина пошла бродить по окрестным улицам, чтобы просто двигаться и этим не дать себе сойти с ума, она не встретила его в городе, на что очень надеялась. Андрей не пришел ни в тот день, ни два месяца спустя, ни три... Ни через полгода...

Он просто исчез из ее жизни без всяких объяснений. Буквально растворился в воздухе. Он не бросил ее, не оскорбил, не ушел к другой женщине, не женился. Он просто исчез.

Заявление в загс они собирались подавать в начале июня. Душное лето сменилось осенью. Осень сменила зима. Зима закончилась весной. Зина получила по почте письмо в самом конце мая. Было начало июня, когда она пошла на встречу, назначенную им.

Это было крошечное письмо на половинке листка из тетрадки. Андрей просил ее прийти в кафе на Дерибасовскую в четыре часа дня. По иронии судьбы, Зина надела на эту встречу зеленое шелковое платье в горошек, забыв, каким страшным символом оно для нее стало. И только по дороге вспомнила об этом.

Угаров заказал ее любимое мороженое – пломбир с сиропом. И, усадив за столик напротив себя, принялся объяснять.

Он изменился. Стал жестким, напористым. Было видно, что он много чего добился за этот год и собирался добиться еще больше. Она же думала только о том, как не сойти с ума. Весь год она пыталась выжить в этом мареве раскаленной боли, внезапно обрушившейся на ее плечи.

Где-то к осени, спустя несколько месяцев после не случившейся свадьбы, Зина сама именно это и поняла: Андрей исчез потому, что перепугался семьи, серьезных отношений.

Семья не была той ценностью, ради которой Андрей хотел отказаться от бешеного, кипящего энтузиазма, который бурлил в его жизни, жизни строителя нового будущего, нового мира, такого интересного и важного. Он видел себя среди великих открытий. А потому предпочел исчезнуть. И ровно год спустя позвал, чтобы это сказать.

Вглядываясь в его лицо, Зина пыталась понять, догадывается ли он, как долго и мучительно она страдала, как пережила все это, с какой силой заставляла себя жить, просыпаться по утрам, открывать глаза и встречать новый день.

Понимал ли Андрей, что он сделал? Глаза его горели энтузиазмом, и он бесконечно жестикулировал, рассказывая ей о новых экспериментах с электрошоком, в которых он принимал непосредственное участие.

– Теперь ты видишь, – закончил Угаров свой монолог, – что мы, что я правильно сделал, передумав с этой дурацкой мещанской свадьбой! Перед нами обоими... передо мной открывается просто блестящее будущее! И очень глупо его терять!

– А как же я? – вырвалось у нее вдруг как-то совершенно по-детски, и он, не поняв, удивленно взглянул на нее.

А по вечерней Дерибасовской, держась за руки, гуляли влюбленные пары, а в Горсаду играл духовой оркестр...

Потом, спустя годы, Зина следила за его судьбой и немного – за его карьерой. Он так и не женился. А жизнь наказала его. Карьеры в науке не случилось. Великих открытий он так и не совершил. Электрошок стали повсеместно применять во всех психиатрических больницах, так же, как и галоперидол, и никаких великих экспериментов не было. Все оказалось мифом. В том числе и его жизнь.

В том числе и ее жизнь. Зина вышла замуж просто так, потому, что надо было выходить, и все родственники и соседи ждали от нее этого. В браке она прожила три года. Тщетно и мучительно пыталась родить. После девяти выкидышей, заканчивавшихся сильными кровотечениями и чисткой в больнице, врачи окончательно вынесли неутешительный приговор: выносить ребенка она не сможет, ее организм имеет врожденные патологии, которые медицина не лечит. Оставалось смириться. Через месяц муж Зины ушел к другой женщине. Как выяснилось впоследствии, с этой женщиной он жил целый год, пока был в браке, и в то время, когда Зина мучительно таскалась по гинекологическим отделениям больниц, спокойно устраивал свою личную жизнь.

Развели их быстро и спокойно, ведь детей у них не было. Через месяц после развода ее бывший муж женился на той, другой женщине, которая была уже на седьмом месяце беременности. Еще через два месяца у них родился сын.

Пытаясь позабыть о происшедшей трагедии, Зина ушла с головой в науку и начала продвигаться по карьерной лестнице. Времени следить за Андреем оставалось все меньше и меньше. Но иногда, по ночам, к ней приходил каверзный голос, который говорил о том, как хорошо было бы им жить друг для друга, вдвоем, вместе. И что они могли прожить всю жизнь вот так, рядом, со своими научными экспериментами и без всяких детей.

После таких снов было мучительно страшно просыпаться и возвращаться к жизни. И каждый раз, когда такой сон обрывался болью нового, опять наступившего утра, она лежала, вытянувшись, тихонько в кровати. И мечтала только об одном – поскорее забыть его лицо. И больше не встречаться с этим человеком – никогда в своей жизни. Ключевым словом было, разумеется, «никогда».

Думая обо всем этом, вспоминая, Зина спускалась по лестнице к своей квартире. И ей казалось, что мысли ее плавают в каком-то тумане. Вроде бы прошлое есть, в нем проступают какие-то очертания предметов, но это как туман на болоте – сделав один неверный шаг, провалишься. Утонул ли в этом болоте Андрей? Выбрался наружу? Ни одного, даже мерцающего огонька, не было. Зине оставалось двигаться впотьмах.

В коридоре ее квартиры было шумно: из-за соседских дверей доносились громкие голоса, по коридору гоняла какая-то детвора. Дверь кухни была открыта, там тоже велись громкие разговоры. Несмотря на то что в огромной коммунальной квартире соседи менялись очень часто, Зина умудрялась поддерживать хорошие отношения почти со всеми. Разговаривала вежливо, не ссорилась, но пресекала и фамильярность, когда ей пытались сесть на голову. Потому ее не сильно-то и любили. Зина не очень страдала – она научилась не обращать на это внимания.

Но как же тяжело иногда было избегать бессмысленных и глупых разговоров! Как ужасно было выходить на заполненную людьми кухню и отвечать односложными репликами на вопросы соседей, в то время как ей безумно хотелось побыть одной! Иногда ей казалось, что на свете нет и никогда не было придумано ничего хуже такого вот коммунального ада, который самым разрушительным образом действовал и на человеческую личность, и на душу!

Но делать было нечего. В коммуналках жила большая часть населения страны. И, собравшись с силами, Зина вышла на кухню.

Народу там было не так уж и много. Две старухи-соседки, толстый лысый инженер, любитель выпить и поговорить, и... Увидев новое лицо, Зина остановилась. Это был молодой, светловолосый мужчина лет 35-ти, высокий, с военной выправкой. Совершенно новый человек в квартире. И он явно не пришел в гости: на нем были спортивные штаны и майка. Кроме того, он помешивал что-то в небольшой кастрюльке, умудряясь слушать радиоточку и одновременно обсуждая услышанное с инженером. Плоская черная «тарелка» радиоточки была важной частью их кухни. Ее никто никогда не выключал, поэтому в кухне всегда было шумно. Но, с другой стороны, в этом было и свое удобство – можно было узнавать точное время.

– Добрый день, – увидев Зину, мужчина сразу повернулся к ней, – а я ваш новый сосед, только сегодня к вам переехал. Дмитрий.

– Он в комнату Петра Иваныча вселился, этого старикашки чокнутого, – с набитым ртом прокомментировал инженер, который жевал докторскую колбасу.

Этого было достаточно, чтобы вызвать у Зины неприязнь. Вселился в комнату учителя истории – значит, тот уже не вернется. Интересно, знал этот самодовольный тип, каким образом он получил новое жилье?

– Зинаида, – буркнула она себе под нос и принялась резать овощи, мрачным видом подчеркивая, что не желает поддерживать разговор. Но не тут-то было!

Радио передавало новости. Диктор вещал о событиях в других странах. В тексте то и дело звучали такие слова, как «Локарнские договоры», «Рейнская область», «Версальские договоры»...

– Вы не увлекаетесь политикой? – Новый сосед не сводил с Зины глаз, и против своей воли она несколько раз взглянула на него.

Он был очень привлекателен – именно таким посчитали бы его большинство женщин. Молод, светлые волосы, широкая улыбка. Военная выправка. Даже майка без складок заправлена в штаны. А под майкой играла выпуклая мускулатура. Но, как бы он ни выглядел, Зина чувствовала к нему острую неприязнь. Он вселился в комнату безобидного учителя истории – для нее этого было достаточно.

– Нет, – сказала она, отводя глаза.

– А вот мне приходится! – сосед улыбнулся широко, явно заигрывая с ней. – Я работаю в штабе Южного военного округа.

– Вы военный? – спросила Зина, чтобы поддержать разговор.

– Нет. Я в отделе кадров работаю. Но теперь моя жизнь проходит среди военных.

– Хорошие ребята! – с набитым ртом сказал инженер.

– Все в мире изменилось, когда 7 марта 1936 года Германия в одностороннем порядке расторгла Локарнские договоры 1925 года, – менторским тоном произнес сосед. – Германские войска заняли демилитаризованную Рейнскую область, грубо нарушая условия Версальского договора, то есть – мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.